

The background of the book cover is a composite image. The upper half features a close-up of a man's face and shoulders. He has dark hair, a well-groomed beard, and is wearing a white dress shirt with a light-colored tie. He is looking directly at the viewer with a serious expression. The lower half of the cover shows a woman with long, wavy blonde hair lying down, her head resting on a white surface. She is wearing a light pink top. Next to her, a young child with dark hair is also lying down, wearing a white long-sleeved shirt. In the background, a city skyline with various skyscrapers is visible under a hazy, orange-tinted sky, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is contemplative and emotional.

Доченька
ОТ БЫВШЕГО
НАРИСУЮ НОВУЮ ЖИЗНЬ

ВИКТОРИЯ
ВИШНЕВСКАЯ

Виктория Вишневская

Доченька от бывшего.

Нарисую новую жизнь

<https://litres.ru/70602532>

SelfPub; 2024

Аннотация

- Уйди. Твоя жена чуть не убила меня и не сделала ребёнка сиротой.

Нежный и дрожащий голос всё ещё любимой девушки душит, делая больно. Особенно сейчас. Когда стою за дверью, а эта мелкая заноза не впускает меня в квартиру.

- Где отец этой малышки? игнорирую её слова и вспоминаю карие огромные глаза ребёнка.

- Какая тебе разница?

Бью кулаком об дверь.

- Открой, поговорим, - говорю сердито. Ещё чуть-чуть и я сломаю эту преграду между нами.

- Нам не о чем говорить, Волков, - всё так же ровно и спокойной говорит девчонка. Я помню её не такой. Изменилась за это время, и уже резче произносит:

- Уходи. К своей жене и ребёнку. Ради которого ты оставил меня. Всё в прошлом И ты сам сделал этот выбор.

Виктория Вишневская

Доченька от бывшего.

Нарисую новую жизнь

Глава 1

Гордей

«Зай, у меня проблемы. Ответь на звонок!»

Игнорирую сообщение от жены. Знает, что у меня встреча, но всё равно постоянно пишет и обрывает телефон.

– Торговый центр готов к эксплуатации. За исключением детской игровой комнаты, – зачитывает помощник с бумаги, отвлекая мое внимание от экрана смартфона.

Коротко киваю и закидываю кусочек мяса в рот. Наконец-то скоро я разберусь с этим зданием, вычеркну из своих дел и смогу есть не на бегу. После этой встречи у меня сразу же совещание.

– Пожарная безопасность? Проверили?

– Были специалисты, всё утвердили.

– А что по игровой? – хмурюсь. Припоминаю, что проблем с ней не было – конструкции прочные, под детьми ничего не обрушится.

– Отделка не завершена. Екатерина Михайловна захотела роспись многих стен. Чтобы было сочнее, ярче. И цитирую: «Не так депрессивно».

Рефлекторно киваю, соглашаясь.

– Сделайте в кратчайшие сроки, – откладываю вилку и хватаю салфетку. – Найдите художника на все две недели. Дальше уже открытие.

– Будет сделано.

Телефон снова вибрирует на столе.

– Как же ты меня задрала, – выпаливаю сквозь зубы и грозно отвечаю на звонок жены: – Да, Кать, что тебе надо?

– Гордей, у меня паника! – вопит в трубку. Напрягаюсь, слыша на фоне какой-то неразборчивый шум. – Я не знаю, что делать!

– Что случилось? – спрашиваю со вздохом. Ноготь сломала? Причёску сделали не ту? Или кто-то нагрубил?

– Я только что сбила человека, – дрожащим голосом шепчет Катя. На меня словно ванну со льдом опрокидывают. Кровь в венах леденеет, я не могу сделать и вдоха. – Мамку с ребёнком.

Пальцы стискивают телефон.

– Дура, – выплёвываю, подпрыгивая из-за стола и забывая об Илье. Говорил же отучиться на права, а не покупать их! Глупая овца! – Где ты?

– Возле твоего холдинга. Гордей, мне страшно... Она не встаёт, а ребёнок плачет. Тут люди начинают собираться.

Матерюсь себе под нос и сам не понимаю, как несусь прочь из ресторана. Забываю даже заплатить и надеюсь в этом на помощника.

Катя – дура. Наверняка снова зевала за рулём. Это уже третья авария за год. И вечно из-за её невнимательности. Но человека... она сбивает впервые.

Особенно девушку с ребёнком.

Млять, только этого мне сейчас не хватало!

Звоню знакомому менту, чтобы эту дуру не оформили, а дело о сбитом человеке не пошло в массы. Из-за овцы, не смотрящей по сторонам, у меня могут быть проблемы.

А если мамашку ещё и насмерть сбила... Это тотальный триндец. Ребёнка оставила без родителя. В прессе не отмоёшься.

Вылетаю на улицу, сажусь в тачку и направляюсь в холдинг. Не успеваю доехать до него, как уже нахожу место аварии. Помимо Катиной машины здесь уже стоит скорая и ДПС. Благо мент не левый, свой. Ещё и шишка большая.

Вылетаю из своей тачки и, не обращая внимания на жену, ругающуюся через окно своей машины с какой-то женщиной, направляюсь к Косте.

– Чтобы тебе за всё воздалось! – доносится до меня голос женщины-скандалистки. Стискиваю зубы и не обращаю на них никакого внимания.

Не до них сейчас. Потом поговорю с Катей.

– Гордей, убери от меня эту сумасшедшую! – вопит снова.

Игнорирую жену, подхожу к Косте, начальнику ГИБДД. Лично приехал, что радует.

– Что там? – спрашиваю с нетерпением.

– Повезло тебе, – качает головой и кивает на машину скорой помощи.

Перевожу взгляд на потерпевшую. И столбенею, ощущая, как земля уходит из-под ног. Кислорода моментально начинает не хватать, а сердце останавливается вместе с моим дыханием.

Знакомые черты лица мелькают перед глазами.

Там, в машине с красным крестом, с перевязанной головой сидит Настя.

Настенька, Настюша...

Голова кипит, все органы скручивает.

Эмоции переполняют. Восторг, ненависть, беспокойство. Всё смешивается воедино. Но преобладает злость. Не щадящая, сносящая всё на своём пути.

От бинта у неё на голове. От выступающей крови. И от своей жены. Я готов лично сломать Кате ноги, которыми она не умеет пользоваться и жать на педаль тормоза. И всё из-за Покровской. Этой девчонки, перевернувшей однажды мой мир. Пробудившей во мне чувства.

Бывшая... при воспоминании о которой до сих пор срыгает башню.

Между нами ничего нет. Всё кончено. Она не моя. Чужая. Я сам так решил.

И теперь убеждаюсь в этом ещё сильнее.

Не моя.

Судя по полугодовалому малышу у неё на руках...

Глава 2

Настя

– Ленивица моя!

Смех при виде малышки вырывается непроизвольно. Сонечка заваливается на спинку, машет ручками, отказываясь одеваться. Лепечет что-то на своём, отмахиваясь от меня. От родной матери!

– Аву-у-у-у, – протестующе мычит, пытаюсь перевернуть-ся на бочок и отползти.

– Вот как ты, значит, с мамочкой, – часто дышу, с трудом натягивая на малышку носочки. Под громкий детский крик поднимаю её с постельки и заворачиваю в тёплый комбинезон. Что сегодня за капризы?! – Хватит дома валяться, надо гулять идти.

Пытаюсь говорить бодро, но кроха продолжает протестовать и кряхтеть.

– Свежий воздух полезен. На птичек посмотрим, на деревья.

Не прекращаю общаться с мышкой, и мы наконец-то благополучно одеваемся. Пока она лежит спокойно несколько минут, накидываю на себя длинный пуховик, повязываю шарф. Обуваясь уже с ребёнком на руках.

Дальше всё по схеме. Дочка под мышкой, а я вытаскиваю на улицу коляску. Благо первый этаж! Иначе в одиночку я бы точно сошла с ума проводить этот ежедневный ритуал.

– Так, – командую у подъезда, поёжившись от холода. Ох

уж эта зима, нос замёрз спустя минуту на улице. Натягиваю шарф на лицо, а заодно поправляю плед на дочери. – У нас по плану магазин. У тебя закончилась присыпка, пюрешка, а у меня – моющее средство для посуды. Потом мы...

– О, Настенька!

Прерываюсь, оборачиваясь. При виде Людмилы, нашей соседки, начинаю улыбаться.

– Здравствуйте, тётъ Люд!

Добродушная женщина, чей сын по дружбе постоянно помогает мне, как всегда, мила. Подходит к коляске, заигрывает с Сонечкой. И моя общительная куколка хвастается своими первыми молочными зубами, широко улыбаясь.

– Ты что же, опять коляску одна тащила? – негодует женщина, выпрямляясь.

– Ну а что делать? – пожимаю плечами, не жалуясь на будни. Одна привыкла уже всё делать, несмотря на то что частенько гуляю с Василисой, женой брата, и другими знакомыми мамочками. Но сейчас незапланированная вылазка в магазин.

– Колю бы попросила, – осуждает. А потом всплескивает руками и вспоминает: – Ах, он же на работе.

– Да-да, на работе, – подтверждаю. – Так бы нам только в радость!

– У него завтра выходной, вместе погуляете. Ладненько, иди, Настюш, не буду отвлекать вас и на одном месте морозить. Хорошей прогулки с малышкой! – улыбается, еле-еле

передвигаясь по лестнице к подъезду.

– Спасибо!

– Аву-у-у! – мычит доченька, провожая соседку громким воем. Настроение поднимается, и я даже хочу достать телефон, чтобы позвонить Коле, но... Тут же прячу обратно в карман. Во-первых, он на работе. Во-вторых, не хочу давать парню надежду.

В-третьих... Я не готова пока никого впускать в свою жизнь. Для меня самое главное – моя доченька. И никто нам не нужен. Нам и вдвоём неплохо.

– Да, малышка? – спрашиваю скорее себя, чем её. И, схватившись за ручку коляски, везу дитя по заснеженной дорожке.

Куколка в этот раз не спит, а с интересом разглядывает прохожих.

Все умиляются ей и обязательно отмечают, как мы похожи.

Конечно, моя копия!

Под довольное гуление моего солнышка мы останавливаемся на пешеходном переходе.

– Сейчас загорится зелёный, и мы пойдём, – болтаю с Соней. Привыкла озвучивать свои мысли. И для дочки полезно, и для меня. Чтобы с ума не сойти. – Три, два, один...

На всякий случай смотрю по сторонам.

Машина едет, но не близко. Успеет затормозить и остановиться.

Спускаю коляску на зебру, поглядываю на малышку, пока двигаемся по дороге.

– Ой, девушка, – раздаётся позади. – У вас тут выпало.

Суетливо оборачиваюсь, замечая на асфальте банку детского пюре.

Ой!

– Спасибо огромное!

Вот же растяпа! Как так можно было? Выкатилась из пакета, видимо.

Поднимаю баночку и возвращаюсь к Сонечке.

– Чуть еду твою не потеряли, – улыбаюсь, засовывая детское питание в сумку. Дочка радостно и искренне смеется, но как-то резко отводит от меня взгляд. – Пойдём догонять остальных. А то плетёмся в самом конце...

Боковым зрением замечаю странное мельтешение слева.

Поворачиваю голову, обратив внимание на резкую смену настроения малышки.

Секунда – и всё вокруг замирает.

Чёрный внедорожник возникает перед глазами. Мчится на нас. Бампер с огромной злой мордой мигает фарами. Водитель смотрит куда-то вниз, даже не на дорогу.

Лёгкие сдавливают от страха, а крик с остановки напрочь выбивает все мысли из головы.

Сонечка!

Машинально толкаю коляску вперёд. Пусть лучше так, чем...

Оборачиваюсь, услышав визг тормозов.

Боль в боку поднимается вплоть до шеи, пронзает тело.

Асфальт, светофор, другие люди и коляска с доченькой – всё плывёт перед глазами. Мир переворачивается, мельтешит и тускнеет.

Снова болезненная стрела, но на этот раз прямо в голову.

Удар о землю...

До меня едва доносятся голоса прохожих. Но детский плач моей малышки – последнее, что я слышу, перед тем как глаза закрываются, а темнота засасывает меня в свой плен...

Глава 3

Настя

В нос ударяет мерзкий запах нашатырного спирта. Знаю о его действии не понаслышке. Любого мертвеца, кажется, из-под земли поднимет. Вот и на меня подействовал.

С трудом открываю глаза, ощущая ломоту во всём теле, и, не думая о себе, подрываюсь с места и разыскиваю Сонечку взглядом. Детские всхлипы отчётливо раздаются на всю округу.

– Встать можете? – спрашивает мужчина в униформе врача. Сколько же я провалялась тут, что они так быстро приехали?..

– Да, могу, – встаю, но не без помощи. Голова немного гудит, а боль с каждой секундой отступает всё дальше и дальше. Наплевав на себя, нахожу малышку. Какая-то девушка качает коляску, пытаюсь успокоить мою доченьку.

К ней я и несусь со всех ног.

– Девушка, тише-тише, вас только что сбила машина!

Машина? Ах да, машина...

Чёрт, я ничего не понимаю.

Осознание произошедшего доходит с трудом.

Мы шли из магазина... Потом я подняла стеклянную баночку с пюре... Потом чёрная машина... Коляска перед глазами и острая боль.

Точно-точно, меня только что сбила машина!

А я, несмотря на это, вытаскиваю дочку из коляски и прижимаю моё чудо к себе. На секунду прикрываю глаза. Фух, с ней всё в порядке...

Я бы себя не простила, если бы с ней что-то произошло...

– Бегаёт, значит, переломов нет, – резюмирует всё тот же голос за спиной. Пока целую малютку в щёчки и успокаиваю её, не замечая, как подъезжает полицейская машина. – Но пойдёмте в салон. Тут холодно, а вам надо голову осмотреть. Кровь идёт.

Кровь?..

Сглатываю и опять начинаю паниковать.

А если бы я умерла?

Малышка одна осталась бы?!

Нет-нет, у меня брат есть, он бы точно не позволил этому случиться.

От злости пытаюсь найти виноватого.

Нахожу ту самую грудку металла. В салоне автомобиля си-

дит девушка. Вся бледная, плачет там. На неё ещё женщина снаружи орёт.

Она тоже испугалась, но... понять её не могу.

Не умеешь машиной управлять, так сиди рядом с водителем, а не занимай его место...

У меня ребёнок чуть матери не лишился!

Меня тянут в сторону «скорой». Сажает сразу у входа. Мужчина стоит рядом, осматривает голову, расспрашивая, что болит.

– Давайте я малышку подержу? – слышу от девушки в такой же униформе. Руки ко мне тянет, а я только сильнее к себе плачущую Сонечку прижимаю. От страха. Боюсь отпустить.

– Не лезь, Маш. Шок у девушки. Насчёт головы... Надо в больницу ехать. МРТ делать. Может быть, что-то серьёзное. Как бок? Нога? Верю, что ходить можешь, но говорите всё, что беспокоит. Сейчас ещё шок может быть, боль почувствуется от всей души, когда он сойдёт.

– Н-не знаю.

На удивление, ничего не болит. Немного ноет, но я чувствую себя средне. Единственное, очень сильно хочу домой.

Взгляд невольно мечется по улице. Помимо скорой и машины с виноватой девицей, приехала полиция. Надеюсь, эту девушку как минимум лишат прав... На штраф, судя по марке, ей будет наплевать. Но пусть поедит на такси вместо того, чтобы людей сбивать.

Неожиданно чувствую на себе странное внимание.
Его и так достаточно много – из-за нас образовалась проб-
ка.

Но тут...

Какое-то особенное. Жгучее.

Взгляд будто залезает под кожу.

И я натыкаюсь на него, тут же задыхаясь от увиденного.

Волков.

Гордей Волков.

Он здесь. Стоит прямо возле человека в полицейской уни-
форме.

Смотрит на меня.

Это правда он?..

Гордей?..

Моя первая любовь, человек, что однажды предал меня.
Бросил, оставил. Растоптал меня в пух и прах. Думала, я
умру от его отсутствия рядом. Мы были зависимы друг от
друга, дышать порознь не могли. Я так думала...

Но всё оказалось по-другому.

Зависима была только я.

Это я ещё несколько месяцев плакала в подушку, думая,
как не сломаться. Как вернуть его...

Я жить не хотела!

А потом... Кое-что случилось.

Две полоски на тесте, которые вновь воскресили меня.

И теперь я заглядываю в эти карие глаза.

Долго думала, что скажу ему, когда мы встретимся. Тысяча отрепетированных диалогов...

Но ни один я не собираюсь пускать в ход.

– Да, давайте в больницу, – соглашаюсь, отведя взгляд в сторону, на асфальт, где недавно лежала сама.

Что он вообще здесь делает?

К нам подходит ещё один фельдшер.

– Что там? Одну забираем? Волкова Екатерина от госпитализации отказалась.

Волкова?..

Так та дрожащая и плачущая девушка – его жена?

Как символично... Я чуть не умерла из-за неё дважды. Первый раз – когда Волков бросил меня и ушёл к ней. А второй – сегодня.

Глава 4

Гордей

– Гордей Алексеевич, третий раз уже подобный прецедент. И этот – ещё серьезнее. Повезло, что девушка цела осталась. Дело постараюсь замять.

– Не замнёшь, – говорю уверенно, скрестив руки на груди. Нет, здесь не тот случай.

– Почему? – воинственно выставляет грудь вперед. Думает, что всё может.

– Документы её смотрел? – усмехаюсь.

– Нет.

– Глянул бы. Её брат – Игорь Покровский. Он из-за своей

сестры в лепёшку расшибётся.

– А ты откуда его знаешь?

Знаю.

Он тот, кто был против наших отношений с Настей. Мы друг другу крови немало выпили.

– То есть огласки не избежать?

– Нет.

– И что делаешь будешь?

– Ничего, – еле сдерживаюсь, провожая взглядом скорую помощь. Внутри пустота появляется от встречи с Настей. Я долго выкидывал её из головы. И так усердно, с большим трудом. И теперь она снова поселяется там, раз все мои мысли только о ней.

И о том, что я хочу сделать. Убить Катю.

Будь на том месте обычная мне незнакомка, спустил бы с рук.

Но Настя...

– Прав её лишишь, – киваю на машину моей жены.

– Понял, – кивает.

– И с этим разберись, – сканирую взглядом коляску, внизу которой лежат продукты. Она всего лишь шла из магазина. А моя дура-жена...

Сжимаю до боли кулаки.

Млять, почему я так свирепею от одной мысли, что Покровской сделали больно?

Уже всё в прошлом. Я сам сделал выбор в пользу Кати.

Несмотря на то, что она в тысячу раз хуже Насти. Нет, с ней вообще не сравнится.

– Могу отвезти, но адрес бы знать. О, слушай, сумка не её?

Указывает на место рядом с бампером машины. А там сумка розовая рядом лежит. Не удивлён, что именно такого цвета. Она всегда его любила. Не кричащий такой, а нежный. И до сих пор любит, раз на ней был розовый пуховик.

Поднимаю сумку с земли и вывалившийся из неё кошелёк. Отлично, не придётся лезть внутрь.

Открываю кошелёк. Нахожу несколько бумажных купюр. И кучу скидочных карт и купонов.

Негусто.

Бедствует? Не должна. Брат у неё богатый, и ни в чём нуждаться не должна. Только если... Они всё ещё не в ссоре.

Игорь всегда был против меня. Промывал Насте мозг, что не стоит иметь со мной дела. И хоть он был прав, мне было плевать. Она поругалась с ним, оставила семью и ушла со мной.

До скрипа сжимаю зубы.

Ненавижу себя за это.

Потому что затем я оставил её.

– Её, – цежу сквозь зубы. – Я сам ей домой всё отвезу. Помоги коляску затащить в багажник.

Что я делаю? Закапываюсь ещё больше.

Увижу её вблизи, почувствую аромат спелой вишни – и совсем с ума сойду.

– Зай! – раздаётся крик моей жены. Пустоголовая вылетает из салона, подбегает ко мне. – Как мамка? Она же живая? Об этом же никто не узнает? Боже, я так испугалась! На меня смотрели, как на убийцу!

Перевожу взгляд на заплаканную Катю. Зелёные глаза на мокром месте. Но меня это никак не трогает. И не трогало никогда. Только один раз.

– Возвращайся в машину, – чеканю, никак не отреагировав на её слёзы. Полное безразличие.

В голове сейчас только образ Насти. Её серые глаза.

Она увидела меня. Узнала. Отвела взгляд. Сделала вид, что не знает.

И от этого выворачивает ещё сильнее.

Непроизвольно бью по бамперу. От злости.

И направляюсь к своей машине.

Мне срочно нужно остыть и выкинуть прошлую любовь из головы.

Глава 5

Настя

– И кто это сделал? – бросает брат, схватив меня за щёки и осматривая лицо. – Очень больно? Что врачи говорят?

– Не больно, – откровенно вру. Ещё как!

Шок прошёл, и всё прилетело с отдачей. Но Игорю знать об этом необязательно. Будет ещё волноваться. Включит свою гиперопеку.

– Ничего страшного. Счесала кожу, заработала шишку на

лбу. МРТ в норме, внутренние органы не повреждены. Повезло, что эта дурочка успела затормозить в последний момент.

— Дура? Девушка за рулём была? — выгибает бровь. — Ладно, я сам всё узнаю, ты, видимо, ещё не в себе, толком ничего не рассказываешь.

— Да всё нормально, — вырываюсь из его хватки. — Не надо ничего узнавать. Просто... Очередная глупая мартышка с телефоном за рулём. Думаю, после этого её лишат прав.

Тогда, на месте аварии, я хотела, чтобы её наказали. Как можно жёстче.

Она чуть не навредила моему ребёнку.

Но когда услышала её фамилию...

Передумала.

Не потому, что у меня остались чувства к Волкову, и я его прикрываю. Нет.

Не хочу ворошить прошлое. А оно всплывёт. И брат снова будет нервничать, злиться и упоминать Гордея при любом удобном случае.

А мне этого не надо. Я забыла его с трудом.

Хотя кого я обманываю? Не забыла. Сделать это тяжело. Когда круглые сутки на руках, у сердца, находится его плоть и кровь.

Из-за Сонечки Волкова я не забуду никогда. Порой, смотря в эти огромные глаза, я вижу его. Молча ненавижу, презираю, а потом отпускаю. И благодарю его за то, что поучаст-

вовал в создании моей доченьки.

И подними сейчас прошлое со дна на поверхность...

Начнётся вновь ругань.

Игорь Волкова ненавидит. Он всегда был против наших отношений.

Они начались внезапно. Я влюбилась в него, как дурочка, совсем не думая о том, что мне было девятнадцать, а ему тридцать. Мы пропадали друг в друге, наслаждались вечерами, не замечали проведённых вместе дней. Я думала, что нашла того, о ком мечтала. Такого же надёжного мужчину, как мой брат.

Но Игорь думал иначе. Считал, что он морочит мне голову. Воспользуется, наиграется и выкинет.

Где я – малолетка с ветром в голове, а где он – уже взрослый мужик, которому нужно было только молодое женское тело?

Я не верила в слова брата. Ругалась с ним, сбегала из дома, бежала к нему – единственному, плакала в мускулистую грудь. И он всегда выслушивал. Гладил меня по голове, слизывал языком слёзы и крепко обнимал.

Пока в один момент Волков и правда... не оставил меня, выбрав взрослую жизнь, а не меня, молодую девочку со своими тараканами.

Ему пора было создавать семью. А я мечтала о другом. О путешествиях, об изучении чего-то нового. Никогда не сидела на месте.

Такие разные, но сплелись воедино.

Ненадолго.

И вскрывать зашитую с трудом рану – не желаю.

Я прекрасно живу одна. С моей любимой Сонечкой, которая сейчас лежит на животике, сосёт соску и с удивлением посматривает на нас из своей кровати.

– Уж я об этом позабочусь, – цедит сквозь зубы. Ловлю его взгляд на повязке на своей голове. Не необходимость, но врач сказал походить с ней денёчек. Завтра сниму и стану как новенькая.

Хотелось бы, чтобы было так, но... Посмотрим.

– Иго-о-орь, это пустяки, – обнимаю его и прикладываюсь щекой к груди. Слышу биение его сердца. – Главное, что мы живы. Переволновались, но ничего страшного. Иногда встряска полезна, слишком хорошо живём!

– Дурочка, – с каким-то осуждением говорит брат, но всё равно обнимает меня. Опускает ладонь на макушку, аккуратно треплет по волосам. – Поехали к нам? Поживёшь у нас с Василиской, пока не придёшь в себя.

– Да всё в порядке! – восклицаю. – Нажилась я уже у тебя! Дай взрослой побыть уже! Тем более у тебя двое детей и так. Куда мы ещё... Там гомон будет похлеще, чем в детском саду. Успокойся. Если что-то случится, я обязательно позвоню тебе. Хорошо?

Поднимаю на него умоляющий взгляд и улыбаюсь.

Ну же, согласись!

– Из дома не выходи, – предупреждаяще говорит, хмуря брови. Ах, согласился! – Пока что. Бедовая, блин. Продукты с Васей привезём, приедем на днях. Договорились?

Я киваю.

– Буду звонить с просьбами так часто, что потом будешь просить меня этого не делать!

– Обойдётся, – улыбается тепло в ответ.

– На самом деле у меня есть к тебе просьба.

– М?

– Когда нас забрали на «скорой», я оставила там коляску и сумку. В ней мои документы, кошелёк. Не мог бы ты узнать, где они, и вернуть их?

Кивает.

– Хорошо, но уже завтра. Сейчас поздно, вряд ли что-то сделают. Денег тебе, кстати, не оставлю. Чтобы точно из дома не вышла.

Бью его в плечо.

– Своя заначка есть.

– Значит, сейчас её изыmem.

Буквально выталкиваю брата из квартиры, а затем еле дохожу до кровати. Как же всё болит, невозможно! Впервые позволяю себе скривиться, схватиться за бедро и бок, по которому прошёлся удар.

Малышка, словно почувствовав, что мне плохо, выплёвывает соску и ползёт к бортику кровати. Приходится опуститься на пол с дивана, подползти к ней.

Просовываю лицо между узких прутьев. Даю облизнуть доченьке свой нос.

— Крошка ты моя, — говорю со всей любовью. — Ты видела сегодня своего папу, представляешь?

— А-а-а-а, — радостно говорит мне в ответ, улыбаясь и демонстрируя молочные зубки. Вон там ещё лезу-у-ут. Акулёнок маленький... Опять бессонные ночи...

— А он видел тебя, — улыбаюсь. На душе как-то тепло становится. Но всё тут же леденеет, стоит вспомнить, как он предал меня. Нас... — И больше я сделать ему этого не позволю.

Глава 6

Вылетаю из ванной с вымытой голой попкой у меня на руках и несусь к телефону. Спотыкаюсь об оставленный на ковре небольшой холст для рисования и чуть не лечу вперёд носом.

Говорил мне брат сегодня не активничать! Но как, когда ты — мама, и болеть времени нет?

Ловлю равновесие чисто машинально. Раньше могла падать сколько угодно, а потом смеяться с отбитым копчиком или лбом.

Но не сейчас, когда несёшь огромную ответственность за ребёнка.

Быстро поднимаю телефон с дивана и, ответив на звонок, зажимаю смартфон между ухом и плечом.

— Да, Игорюш?

– Я насчёт твоей сумки. И коляски.

Ого, быстро он! Сказал, что узнает обо всём завтра, а звонит уже через несколько часов.

– Да-да? – параллельно хватаю полотенце и прячу в него свою булочку. – Только не говори мне, что их потеряли!

Мне не жалко коляску, сумку, документы... Даже кошелёк со всеми скидочными картами, которые собирала так усердно. И точно уж не карту, которую можно восстановить в приложении.

Мне нужна фотография, запятанная в кармашках. Это всё, что дорого моему сердцу.

– Тебе повезло. В отделе сказали, что тебе привезут их сегодня-завтра домой. Поэтому жди.

– О-о, здорово!

Тут же дыхание перехватывает.

Он же не узнал, кто именно сбил меня?

– Дай угадаю, ты уже знаешь, кто виновник? – стараюсь говорить легко, не вызывая подозрений.

– Пытался. Но тот пацан был не в курсе. Завтра займусь этим серьёзнее.

– Игорь... – пытаюсь его вразумить.

– Как ты? – никак не реагирует на мои слова. Упёртый...

– Уже лучше, – радостно сообщаю, шагая к пеленальному столику. Пока общаюсь с братом, переодеваю тихоню Соню, которая даже ни разу не пискнула за всё время разговора с Игорем.

Она у меня вообще молодец. Спокойная, внимательная, любит всё изучать. При этом молчит и плачет в редких случаях. Повезло мне с ней...

Благодаря её характеру могу заниматься чем угодно, брать её с собой в любое место без проблем. Хотя во время беременности очень переживала по этому поводу. Что засяду дома и не смогу развиваться.

Стану заложницей в четырёх стенах, где меня будет ждать только молоко и детские подгузники.

Внезапно по квартире разносится трель звонка, и я паникую, не понимая, что делать первым: бросить телефон, положить доченьку в кроватку или побежать в коридор.

– Игорюш, тут кто-то приехал, наверное, вещи привезли, – выпаливаю, подбегая к кроватке. – Я потом перезвоню.

Отключившись, сажаю Сонечку в её уголок, вручаю соску, игрушку, а сама спешу в коридор.

– Кто там? – вырывается машинально.

Подхожу к двери, встаю на носочки и смотрю в глазок.

И тут же приземляюсь на пятки, заледенев.

– Доставка, – раздаётся грудной знакомый голос. Без капли шуток или веселья. Нет, Гордей у дверей моей квартиры наверняка не для того, чтобы пошутить. – Привёз вещи, оставленные после аварии.

От мысли, что он так близко, из лёгких как будто пропадает весь воздух. Начинаю чаще дышать.

В какую-то секунду замечаю, что начинаю впадать в па-

нику.

Почему я испугалась? Почему растерялась, узнав, что он рядом?

Чтобы не упасть, поворачиваюсь к двери спиной, опираюсь о неё.

– Оставьте у дверей, – говорю так тихо, будто для себя. Боюсь, он не услышал, но у меня нет сил повторять. – Я не могу сейчас забрать.

– Насть...

Одно моё имя из его уст прорезает создавшуюся на секунду тишину. Его голос и интонация режут перепонки, но тут же залечивают их исходящей от мужчины вибрацией.

Помню, как влюбилась в его тембр. Как не могла уснуть без него. Просила болтать со мной перед сном.

Мотаю головой. Всё в прошлом.

– Открой.

– Я же сказала – оставь вещи у дверей, – говорю уже спокойнее и жёстче. Привожу дыхание в норму.

– Я всего лишь хочу убедиться, что ты в порядке, – раздражённо цедит сквозь зубы. Начинает беситься. Из-за того, что всё идёт не так, как он хочет. – Это ведь случилось из-за Кати.

Хочу сказать, что я в порядке, но ничего подобного.

Это не так.

Странно, но я даже не бешусь из-за женского имени.

Не ощущаю к Кате отвращения или ненависти.

Это ведь не она виновата, что Гордей бросил меня.

Но злюсь от того, что она сегодня натворила.

– Уйди. Твоя жена чуть не убила меня и едва не сделала ребёнка сиротой.

Снова появляется удушающая тишина.

Он ушёл?

– Кто отец этой малышки? – вдруг раздаётся по ту сторону двери. А я улыбаюсь, как глупая.

Так хочется выкрикнуть это мощное «ты». А потом посмотреть, что он будет делать и как будет мучиться, когда я не дам им увидеться. Не дам ему поддержать её на руках. Обнять. Поцеловать.

Но понимаю, что сделаю только хуже.

Впрочем, с чего я взяла, что он будет мучиться? Что Со-
нечка вообще станет чем-то важным в его жизни?

У него ведь уже есть любимая женщина. И ребёнок... Из-за которого он меня и оставил.

Глава 7

Гордей

Гипнотизирую коньяк в стакане. Не пью, лишь отвлекаюсь на жидкость, плещущуюся в стекле.

Ловлю дзен, как бы сказала Настя из прошлого.

Настя...

Это имя вызывает дрожь в теле и тяжесть в груди.

Оно ассоциируется у меня только с одной девушкой. С той, от кого перестаю быть собой. Теряю контроль, и все

мысли из головы улетучиваются.

Но сегодня их крайне много.

Я взял её вещи, а теперь не знаю – отвезти самому или поручить помощнику? Дико хочу сделать это сам. Аж ломает. Но боюсь последствий.

Это девочка как наркотик. Вызывает зависимость. Попробуешь один раз – не оторвёшься. А если соскочишь, то нужно иметь нереальную силу волю, чтобы не подсесть снова.

И если, стоило увидеть её издалека, мне уже хреново настолько, что хочется напиться в хлам, то не представляю, что будет, когда почувствую её рядом. Увижу её вблизи. Вдохну запах её волос.

Интересно... Он всё тот же? Или поменялся?

У неё ведь другой мужчина, и она полностью пропахла им.

Ставлю стакан на стол.

Снова вопрос в голове – ехать или нет? Делать хуже себе или нет?

Ответ уже есть, но собираюсь с мыслями.

Невольно заглядываю в её кошелёк ещё раз.

Усмехаюсь от самого себя.

Докатился. Роюсь в чужих вещах. Но всё из-за фотографии, торчащий уголок которой увидел до этого. Интерес сильнее.

Хватаю за краешек, вытягиваю.

Небольшого размера фотография. А на ней Настенька и её ребёнок. Малышка совсем маленькая, может, месяц или

два. Обе счастливые, улыбаются в камеру. Кто-то их фотографировал на фоне родильного дома.

Отец малышки?..

Невольно улыбаюсь, веду большим пальцем по русым волосам.

И тут же чуть не сжимаю от злости пальцы.

Снова веду себя, как гребаный пацан.

– Гордей! – разлетается по всему первому этажу. По плитке слышится стук каблуков, и я снова злюсь. Что за американская манера – ходить по дому в обуви?

Убираю фото в задний карман брюк. Машинально.

Потом верну.

– Ты поступаешь со мной нечестно!

Игнорирую её истеричный тон.

Катя... Что с неё взять?

– Почему меня лишили прав? Ты с ними не поговорил?

Улыбаюсь.

Хочется выпить, но понимаю, что, если сделаю это – к Насте не поеду.

– Я тебе больше скажу, – усмехаюсь, поворачиваясь к жене на барном стуле. – Я сам сказал у тебя их забрать.

Округляет свои огромные зелёные глаза.

– В смысле?

– В прямом. Мне надоело заглаживать твои косяки. Ладно первые два раза. Врезалась в столб по неопытности – бывает. В чью-то жопу – тоже. Но сбить человека... Это всё.

– Я думала, что успею затормозить! – кидает недовольно сумку на диван. – А тут телефон упал с держалки. Я потянулась, нажала на тормоз... Кто же знал, что у этой машины такой тормозной путь длинный!

Конечно, машина виновата, а она – нет.

– И как мне теперь? Как ездить? У меня ведь... Бизнесом надо заниматься. То сюда, то туда. Мне машина нужна.

Я встаю со стула, беру кошелёк Покровской и иду на встречу жене.

Какая она всё-таки бывает тупенькая.

– Такси, – выпаливаю рядом с её щекой, улыбаясь. – Думаю, моих денег тебе хватит на такси.

Прохожу мимо. Настроение немного идёт вверх – решил ехать к Насте. Гляну, как она живёт. А потом просто отпущу, чтобы не портить девочке жизнь.

– Опять ты меня попрекаешь своими деньгами, – выплёвывает Катя мне прямо в спину. Молча дохожу до коридора, хватаю свою куртку. – Может, хватит, а? Хватит относиться ко мне, как к какой-то приживалке и содержанке. Может, стоит начать, как к человеку? Или я перестала им быть, как только потеряла твоего сына, а?

Гнев вспыхивает моментально.

Катя знает, на что давить. Как заставить меня беситься.

– Между прочим, из-за твоей малолетки, к которой ты...

– Заткнись, – поворачиваюсь к ней и кидаю неосознанно.

Выходит так грубо и громко, что Катя делает шаг назад. –

Ещё раз услышу подобное – я не посмотрю на то, что ты моя жена.

Больше не выслушиваю её претензии. Накидываю куртку, выхожу на улицу и спешу к машине.

Хруст снега под ногами поддевает ещё сильнее. Любой лишний звук вызывает приступ агрессии.

С женой у нас нет большой любви. Никакой нет.

Хотя в прошлом оставил Настю только из-за неё.

Я спал с ней до появления в моей жизни Покровской. А потом увидел эту жизнерадостную непоседу в здании из ресторанного двора, поющую весёлые песни. У меня была вечерняя бизнес-встреча, а она... праздновала день рождения подруги.

И я залип.

Не знал, что такие существуют.

Про неё можно говорить вечно, но снова появляются в голове слова Кати. Когда она пришла ко мне с ещё плоским животом и сказала, что беременна.

У меня не было ни братьев, ни родителей. Более того, имел проблемы со здоровьем. Род прервался на мне. Окончательно. Поэтому ребёнок для меня стал... чудом?

Я выбрал его, а не Настю.

Это была основная причина.

Второстепенная – её брат, которого ненавижу. Но он был прав. Ей не нужен такой, как я.

Решение принимать было сложно, и Настю пришлось

оставить. Так было лучше для нас обоих. Пытался забыть её, зная, что только испорчу ей жизнь.

Отгородился. Катя и её беременность мне в этом помогли.

А потом...

Выкидыш.

И бросать из-за этого Катю я не стал. Ей было хуже всего. А я был бы эгоистом, уйдя и плюнув ей в душу. Один раз я это уже сделал. Второй – понял свою ошибку. Чувствовал свою вину. И оставил всё как есть. Чтобы не возвращаться к прошлому, отвлечься от Насти.

А теперь...

Хочется послать нахрен всех.

И даже Покровскую, вновь залегающую под корку мозга, и Катю, чувств к которой, кроме отвращения с нотками вины, нет и не было.

Через час стою перед дверью своей бывшей.

Доехал сюда, как в тумане.

Жму на звонок.

Слышу топот её ножек по ту сторону двери.

– Кто там? – глухой мелодичный голос. Внизу живота тут же зарождается тяжесть.

– Доставка. Привёз вещи, оставленные после аварии, – говорю херню. Знаю, что она посмотрит в глазок и узнает, кто здесь. Я и не скрываюсь.

– Оставьте у дверей, – слышу совсем тихо. – Я не могу сейчас забрать.

Не узнала?

Нет, точно узнала. Поэтому так и говорит.

– Насть... – вылетает из горла.

От одного её имени язык начинает жечь.

– Открой, – говорю уже требовательнее.

– Я же сказала – оставь вещи у дверей, – уверенно и жёстко говорит она. Несвойственно для неё. Этот тон, эта манера... Никогда такой не была.

Бесит эта стужа в её голосе!

С другим она наверняка ласковее.

Например, с отцом этой малышки...

– Я всего лишь хочу убедиться, что ты в порядке, – раздражённо цежу сквозь зубы. – Это ведь случилось из-за Кати.

Думаю об этом – и сам злюсь.

– Уйди. Твоя жена чуть не убила меня и едва не сделала ребёнка сиротой.

Нежный и дрожащий голос всё ещё любимой девушки душил, делая больно. Особенно сейчас. Когда стою за дверью, а эта мелкая заноза не впускает меня в квартиру.

Именно любимой. Прошло много времени, но она слишком прочно засела у меня в сердце. Закрывл это чувство на замок, заковав цепями.

А тут...

Знаю, что она там, и цепи рвутся.

– Где отец этой малышки? – игнорирую её слова и вспоминаю огромные глаза ребёнка. И ту фотографию. Кто их

фотографировал? Она ведь сейчас не одна?

– Какая тебе разница?

Бью кулаком в дверь.

– Открой, поговорим, – говорю сердито. Ещё чуть-чуть – и я сломаю эту преграду между нами.

– Нам не о чем говорить, Волков, – всё так же ровно и спокойно говорит девчонка. Я помню её не такой. Изменилась за это время и уже резче произносит: – Уходи. К своей жене и ребёнку. Ради которого ты оставил меня. Всё в прошлом... И ты сам сделал этот выбор.

Глава 8

Настя

Сжимаю до боли кулаки.

Слишком разговорила с ним.

Как же мне хочется выплеснуть всё то, что накопилось во мне за это время! Но я снова прячу эмоции в прочный сундук, заковываю его цепями и выкидываю на дно морское.

Я так долго пыталась его забыть, чтобы что? В один момент выплеснуть всё ему в лицо? И что потом? Заплакать?

Нет, раньше я бы так и сделала. Но не сейчас.

Слух режет детский плач, и я быстро моргаю. Смотрю из коридора на кроватку, где лежит Сонечка. Глядя на меня, доченька плачет.

– Больше здесь не появляйся, – говорю серьёзно.

Делаю шаг вперёд.

И снова удар в дверь, от которого вся дёргаюсь и покры-

ваюсь от страха мурашками.

Не нравится ему! Но и мне плевать!

Забегая в зал, закрывая дверь между коридором и нами. Строю ещё одни стены. Больше и больше.

Поднимаю малышку из кровати, прижимаю к себе. Она мигом успокаивается, смотрит по сторонам, будто пытаюсь кого-то найти.

Не поняла, откуда появился мужской голос, и, наверное, испугалась.

Успокаиваю доченьку, убаюкиваю и укладываю спать. Несколько раз подхожу к глазку, проверяя, ушёл ли Волков. Решившись лишь на третий раз, щёлкаю замком, стараясь игнорировать натянутые нервы. Приоткрываю дверь.

Знаю, что его там нет.

Это не тот мужчина, что будет сидеть на коврик у двери. Точно не тот.

Уже увереннее выхожу на лестничную площадку. Прикрываю за собой, отвожу коляску в холл, откуда её удобнее вытаскивать на улицу. Потом с Сонечкой на руках это будет тяжелее всего.

Забираю вчерашние покупки, свою сумку и возвращаюсь обратно в квартиру. Под звуки работающего телевизора вожусь на кухне.

Малышка у меня привыкла засыпать под звуки. Я сама её к этому приучила, ненавидя тишину. В этом много плюсов. Мы можем ездить с ней по делам, и она может уснуть где

угодно под голоса.

Это позволяет её часто брать с собой в мою школу по рисованию. Чаще прошу няню, но Соня начала привыкать к залу сосредоточенных людей, изредка что-то спрашивающих у меня.

Дома я сидеть не могу. Стены убивают. Чуть не сошла с ума в первый месяц после родов. Брат даже отправил меня к психологу, который очень мне помог. Я частенько заглядываю к Маргарите Степановне, чтобы выговориться.

С братом и его женой иногда делиться сложно, как и с подругами. Они меня банально не понимают. Но я их не осуждаю. Просто знаю себя.

Как бы сказал мой брат... У творческих личностей слишком много тараканов. А так, как я художник по жизни... Я так вижу!

И люблю свободу. Пробовать и изучать что-то новое.

С десяти лет я ни дня не сидела без дела. То вышивала, то горшки из глины делала... Художка, бисероплетение, вязание... Я занималась плаванием, каратэ, ходила на курсы садовода, бармена, вокала. Мне было интересно всё узнать в этой жизни. Всё попробовать.

И когда узнала, что беременна... Думала, что всё. Жизнь кончена. Свободы нет. Вот клетка из четырёх стен, ребёнок и грязные подгузники. Живи этим до трёх лет, а только потом, отдав его в сад, реализуйся. И то – в определённые часы...

На этом фоне у меня появилась куча ненужных мыслей,

из-за которых постоянно загонялась.

В двадцать я и не думала становиться мамой...

А это как посадить вольную птицу в клетку. Так я тогда себя ощущала.

Но аборт делать не решилась. Ведь это был малыш от моего любимого мужчины. Хотя что-то я хотела оставить от него...

И во мне боролись две личности. Та, что безумно влюблена в Волкова и желающая сохранить хотя бы часть его себе. И та, что хотела жить на полную катушку. Путешествовать по миру, пробовать новое и новое...

Да, я разрушала сама себя. Накручивала и накручивала. Плакала, не зная, что делать. Проклинала Гордея за то, что он мне оставил.

И сейчас, вспоминая себя прошлую, где плачу в кровати и говорю, что не желаю этого ребёнка... хочу себя убить.

Сонечка – главное и самое драгоценное, что у меня есть в этой жизни.

Я ни о чём не жалею! И люблю её только за то, что она есть. Неважно, чья кровь в ней. Она – моя. И это главное.

Только со временем поняла, что и с ребёнком можно заниматься своими делами. Не всем, но в этом деле мне повезло. Хотя родителей и нет, мне всегда помогает брат и его жена.

И, конечно, его финансовая поддержка, за что ему спасибо...

Няня – наше спасение! Но к её услугам прибегаю в крайнем случае. Когда в студии сложные занятия, и я просто не хочу мучить ребёнка выездами.

И бросать не хочу. Преподавать рисование мне нравится. Так я не схожу с ума от одиночества, от однотипных дней. И не становлюсь той самой затюканной мамой в декрете, которая даже боится выйти на улицу.

Этого я боялась больше всего, но слава богу мне повезло. Разобрав пакеты, проверяю сумку и смотрю, всё ли на месте.

Лезу в кошелёк – денег не взяли.

Перебираю пальчиками карты и не могу найти то, что ищу.

Фотографии нет.

Выпала? Или я её убирала?

Нет-нет, она точно была тут! Ношу её всегда с собой, боюсь потерять. Это единственное фото, оставшееся после выписки. И то благодаря Васе, жене брата.

У Игоря телефон полетел, и все фото стёрлись.

И то осталось единственным... Можно, конечно, попросить Василису поискать у себя в галерее и распечатать новую, но... Отсутствие привычной фотографии напрягает. Куда она делась?

Нехорошая догадка простреливает голову.

Волков взял?

Зачем?

Плевать. Горько, но пусть подавится. Пусть видит, что у меня всё прекрасно.

А мы с моей малышкой будем жить дальше. Подальше от него.

Глава 9

Спустя несколько дней

Настя

– Да? – отвечаю на телефонный звонок, тяжело дыша. Опаздываю! У меня есть ровно два часа, пока сытая малышка спит и видит десятый сон. Но время невероятно летит, ещё и пробки! Опаздываю на занятия!

– Привет, – слышится в трубке голос Игоря. – Я тут кое-что узнал о той аварии.

Чуть не поскальзываюсь на гололёде прямо у здания, где находится моя мини-школа по рисованию. Благо вовремя хватаюсь за ручку железной двери.

Со страхом захожу в тёплое помещение. Кажется, я заледенела не только от непогоды, но и от его слов.

– И что узнал? – дрожащими пальцами расстёгиваю молнию.

Я надеялась, что всё кончено. Брат успокоится, и мы забудем об этом, но... нет!

– Ты сказала, что тебя сбила девушка. А в твоём деле значится какой-то левый человек. Мужик. Да и человек, с которым я беседовал, явно что-то недоговаривал.

– Не знаю, может, я ошиблась... Знаешь же, после удара

непонятно, вдруг там и парень был?

– Они кого-то прикрывают. Чья-то любовница или жена. Причём не просто чья-то, а со связями. Раз даже мне забоялись говорить, – хмыкает в трубку. – Не хочешь ничего рассказать?

– Игорюш, – пытаюсь говорить как можно мягче, – хватит тебе. Их и так жизнь накажет. Лучше думай о своих сыновьях!

Последние слова говорю укоризненно, меняя тему.

Это немного помогает.

Но времени болтать нет.

– Прости, пожалуйста, у меня занятия в художке. Давай попозже созвонимся.

– Ладно, – нехотя отвечает.

Я быстро отключаюсь, по пути в зал снимаю с себя одежду. Залетаю в помещение последняя, судя по всем занятым местам.

Мой маленький рай и отдушина... Хотя пишу картины я и не здесь, а в соседней комнате в нашей квартирке, но тут... особая атмосфера. Мольберты, краски, кисти, палитры... Картины на стенах. Всё в коричневых оттенках, словно атмосферные фотографии из интернета.

Завидую иногда сама себе!

Вливаюсь в своё дело. Как всегда, спокойная атмосфера, где нет места волнениям и лишним мыслям. Несмотря на играющих недалеко в уголке детей. На занятия можно прихо-

дить и с ними, если никому не мешают.

– А где ваша булочка сегодня?

Улыбаюсь, когда одна из учениц спрашивает о моей доченьке.

– Дома с няней. Сегодня она уснула, решила не брать с собой.

– А я так по ней соскучилась, – тянет Света, погрузнев.

– Своих пора, – подмигиваю ей и отвлекаюсь на телефон. Напрягаюсь, думая, что это Игорь. Но нет – Милана Юсупова, одна моя знакомая. Познакомились в клинике, когда нас записали на одно и то же время. Её муж – глава строительной компании, а сама она владелица детского сада. Я расписывала для неё фасад. Тогда был первый опыт, когда работала во время беременности, пыталась отвлечься от Волкова.

– Привет, – отхожу подальше от всех, к окну, чтобы не мешать сосредоточенным ученицам.

Снег сегодня пошёл... Новый год настанет меньше чем через месяц.

– Привет, это Милана, помнишь, ты нам сад расписывала?

– Привет, помню, ты у меня записана.

– Приятно-приятно. Звоню по делу – нужны твои золотые ручки!

– Второй садик на подходе?

– Не-е-е, меня не хватит. С годовалым ребёнком тяжело. Не мне нужно, а мужу. У него же строительная компания, помнишь? Недавно торговый центр построили новый

по заказу, и там детскую комнату украсить надо. Сразу о тебе подумала – моей красотой до сих пор любуются все прохожие.

В груди загорается настоящий огонёк из восторга и радости. Я буду только рада что-то поделать, но...

– Надо до нового года сделать.

– Прости, – выпаливаю, потускнев. – Я родила семь месяцев назад. Максимум могу малышку на два часа в день оставить. В некоторые дни могу и с собой брать, но... Не знаю. Сама понимаешь, по срокам могу не подойти. Плюс от площади зависит...

– Вот по площади не знаю... А по срокам три недели. До нового года надо успеть. Не получится? Очень-очень прошу! А куколку твою могу к себе в садик взять, он там недалеко, а я в последнее время там время провожу. Послежу, позабочусь. Где двое, там и трое! Тем более, если помню, с моим разница пару месяцев.

– Ой, не знаю, – сомневаюсь. Сонечку мотать жалко. Только если одной ездить, пару часиков в день выбирать...

– Деньги хорошие платят.

– Да дело не в деньгах, – выдыхаю. Хотя и на шее брата жить не люблю. В художке зарабатываю не так много преподаванием. А картины не продаю – кому они нужны? – Не знаю, подумать бы, глянуть... Если работы всего на недельку, почему бы и нет?

– Когда удобно встретиться?

– Давай сегодня вечером, – решаю не тянуть.

– Договорились!

Отключаюсь, ещё долго думаю – стоит ли?

Проваливаюсь в работу, не замечаю, как летит время. И потом на всех парах мчусь домой, к своей крошке. Она как раз просыпается к моему приходу, зевает и потягивается в кровати.

Покормив, уделяю всё своё время доченьке.

Ближе к пяти часам одеваемся, в этот раз без психов, и заказываем такси. Надеюсь, хоть в этот раз в нас никто не врежется!

Приезжаем к назначенному времени, нас встречает Милана с мужем. Сегодня они без детей.

– Какая сладкая, – девушка тут же замечает Сонечку и начинает с ней заигрывать. – Парочка нашему сыночку растёт!

Я смеюсь. Как быстро нам нашли кандидатуру!

– Или ещё одну девочку хочешь? – приобнимает свою жену Юсупов. Смотрю на них немного с завистью. Я тоже любви хочу и уверенного мужчину рядом. Чтобы ласку почувствовать, заботу, тепло...

Думаю о Косте, о нашем соседе и моём друге.

Но боюсь кого-то пускать в свою жизнь.

– Так, сейчас не об этом! Пойдём, посмотрим на масштаб работы.

Я киваю, и под разговоры мы направляемся в торговый центр.

– Заказчик должен приехать с минуты на минуту, – предупреждает она. Но, видимо, он оказывается непунктуальным, раз мы успеваем обсудить всё до мелочей. Работы здесь ровно на недельку, если ездить одной, и две, если с малышкой. И это если проблем не будет.

Но честно – немного выдыхаю.

Не хочу сидеть на месте, поэтому соглашаюсь.

– Отлично, – кивает Юсупов, поглядывая на время. – Что-то Гордей задерживается.

Гордей.

Это имя, словно стрела, влетает мне в сердце.

Дурацкое имя! Ненавижу!

Машинально крепче обнимаю дочку.

И тут же слышу за спиной.

– Извините за опоздание, пробки.

– О, Насть, познакомься, – бодро говорит Милка, но я не разделяю её хорошего настроения, – это твой заказчик – Гордей Алексеевич Волков.

Я не оборачиваюсь.

Мне хватает одного имени, чтобы понять, что позади стоит ОН.

Глава 10

Настя

Оборачиваюсь. Почему-то делаю это очень даже легко. Наверное, потому что я не одна. У меня на руках моё счастье, которое я должна защитить. Да и при посторонних вряд

ли Гордей поднимет тему, связанную со мной.

Ловлю на себе его изучающий взгляд. На голове, закрытой шапкой. Хотел узнать, сняли ли мне бинты? Какая ему разница? Чувствует вину? А умеет?

– Добрый вечер, – говорю первая. Тяжело. В груди огромный ком появляется. В какой-то момент становится трудно дышать, но беру себя в руки.

Он что, специально это всё устроил?

– Добрый, – слегка хмурится и тем самым отвечает на мой вопрос. Нет, здесь мы оба оказались случайно. Он не актёр, удивление не подделает.

– Это Анастасия Викторовна, будет расписывать стены игровой комнаты, – представляет меня Милана с воодушевлением. Но моё решение идёт в противовес её словам. Нет, теперь, когда узнала, кто сделал заказ... Не хочу.

Чёрт, почему снова? Почему именно он?

Столица! Огромный город! И из толпы людей... роспись нужна Волкову.

– К сожалению, это не так, – слабо улыбаюсь, отворачиваясь от Гордея. – Я не смогу взяться за эту работу.

Вижу удивлённые лица.

И слышу недовольный голос:

– Причина?

Он серьёзно спрашивает у меня причину? Думает, что я не скажу при его знакомых, что его жена сбила меня на пешеходном переходе? Или он думает, что я буду кричать всем,

что он использовал меня, а когда наигрался и захотел семью – выкинул?

– Не успею по срокам. Вспомнила, что не с кем оставить ребёнка. Да и вверх посмотрела, поняла, что не дотянусь. А на стремянке... Работать пока не могу, голова кружится. Недавно попала в аварию, и... Не судьба.

Легонько пожимаю плечами.

Мастер отмазок!

– Блин... – с досадой в голосе говорит девушка. – Жаль... Но здоровье важнее, конечно!

– Ладно, раз мы всё решили, я пойду. Если нужно, у меня много учениц на курсе, и я могу кого-нибудь посоветовать.

– Это к Гордею, наверное.

Стискиваю зубы. Не понимаю, почему так реагирую на это имя.

– Не нужно, – отрезает. От его тона покрываюсь мурашками и только сейчас замечаю, как моя малышка неотрывно смотрит на Волкова.

– Тогда всего хорошего, – быстро проговариваю и иду на выход. Заказываю по пути такси. Но из торгового центра на улицу не выхожу. Снег пошёл, да так обильно, что лучше мы постоим здесь.

Через несколько минут приложение пищит, оповещая о входящем сообщении от водителя такси.

«Я на остановке».

Какая остановка? Я ведь заказала к входу!

Постанываю в голос.

Для чего указатель ставится?! Теперь придётся идти с ребёнком в снег. Проверяю на ней шапочку, шарф. Вроде всё хорошо. До машины добежим.

Бодро выхожу на улицу и, смотря на асфальт, бегу на остановку. Это занимает пять минут – приходится обходить целый торговый центр. А учитывая, что на улице скользко... Это жуть.

Уже подходя к остановке, поднимаю голову и не вижу света фар. Точнее, он есть – от мимо проезжающих машин, но где-то вдалеке. А тут, на пустынной остановке, ни единой души... Машины нет.

Достаю телефон из кармана.

«Водитель отменил заказ. Причина: Клиент не вышел».

Серьёзно?!

Да чтобы у него колёса спустились!

Жму на «заказать снова». И начинаю волноваться, что мой мышонок замерзнет. Пока она занята делом и разглядывает единственную диковинку для неё – холодный свет фонаря.

Нам находят машину, и я топчусь на месте, прижимая к себе доченьку. Хватаю её ладошки, дышу на них, согревая через ткань комбинезона. Хожу из стороны в сторону, чтобы не замерзнуть самой.

Проклятье!

С надеждой смотрю на пустынную дорогу. А там два яр-

ких глазика несутся в нашу сторону.

Может, это такси?

Нет, не оно.

Слишком шикарная машина.

Кажется, у Волкова такая же...

О, нет!

Автомобиль притормаживает, но проезжает мимо.

И если это был Гордей – пусть едет дальше.

Продолжаю смотреть на дорогу и успокаивать себя дальше вслух:

– Сейчас, доченька, сейчас.

Сонечка начинает кряхтеть и вертеться по сторонам. Люблю изменения её настроения. В прошлый раз она вела себя так же, чувствуя опасность от приближающейся машины. В тот день, когда жена Волкова не остановилась.

Поворачиваюсь...

А внедорожник задним ходом вернулся обратно. Остановился напротив нас.

Сердце летит вниз, в пятки.

Отворачиваюсь. Стараюсь не смотреть на машину.

Не знаю, что страшнее – Волков или какой-то мужик, вдруг захотевший подвезти нас. Окажется какой-нибудь бандит... Затащит нас в салон, и всё. Капут.

Но нет. Всё оказывается куда хуже.

Стекло опускается вниз.

– Покровская, – окликает меня знакомый голос. Тот са-

мый. – Здесь автобусы не ходят. Маршрут пока не запустили.

Игнорирую его.

Его. Здесь. Нет.

Смотрю вдаль.

Где такси?

Нервно достаю из кармана пуховика телефон. Машина ещё далеко. И сообщение от водителя:

«Я в пробке. Буду минут через десять».

Десять?! Да мы с ребёнком заведем!

– Так и будешь меня игнорировать?

Выдыхаю горячий пар изо рта. И не знаю, что делать.

Ищу поблизости какое-нибудь помещение. Магазин или кафе, где можно погреться, пока ждём машину.

И пока я это делаю – раздаётся неприятный хлопок двери. Не близко, а будто через машину. С водительской стороны...

Глава 11

Мне не показалось, и Волков правда вышел из машины. Обошёл её, переступив через бордюр, и встав прямо передо мной.

Делаю шаг в сторону, выглядываю из-за его плеча.

Где такси?!

– Будешь делать вид, что меня здесь нет?

– Мужчина, – выдыхаю, выпуская привычную дымку изо рта. Как же холодно... Уверена, малышка не замёрзнет, но её щёчки уже зарумянились. – Вы загораживаете мне обзор. Отойдите, пожалуйста.

– Садись, – вдруг говорит грозно, кивая на своего зверя. Почти такого же, как у его жены. За почти полтора года так и не поменял авто. Помню, как любит его... – Подвезу.

– Принимать помощь от незнакомца тёмной ночью? – выгибаю озадаченно бровь. Всё ещё пытаюсь отвязаться от него. – И садиться к нему в салон? Думаете, это умно?

– Лучше, чем делать вид, что меня не знаешь, Насть.

Моё имя из его уст вылетает так тепло, что я невольно сглатываю.

Стрела должна пронзить сердце, но я стойко прикрываю его металлическим щитом.

– Подумай о ребёнке. Заболеет – тебе же хуже.

Кусаю щёку изнутри.

Он прав. Но я не могу принять его помощь. Не после того, что он сделал.

Сжимаю в руках телефон. Открываю приложение с заказом машины, показываю ему. Благо водитель выехал из пробки, и время с десяти минут изменилось на три.

Тычу Волкову прямо в лицо.

– Ваша помощь мне не нужна. Видите? Водитель уже едет.

Он смотрит на экран беспристрастно, а затем поднимает свою ладонь. Проходит по экрану пальцем. И ничуть не меняя тона, продолжает:

– Какая жалость. Я случайно отменил твой заказ.

Что?

Быстро смотрю в свой телефон.

«Заказ отменён. Укажите причину».

Поднимаю резко взгляд на Волкова, врубившего режим «Что хочу, то и делаю, и вы все – мне здесь не указ».

Он опять портит мне жизнь!

– Так что, будешь и дальше мучить ребёнка, ждать такси, или уже сядешь в тёплый салон?

Опять закусываю губу. Чувствую вкус крови.

Козёл.

Каким был, таким и остался.

– Надеюсь, вы избавите меня от своих разговоров, – це-жу сквозь зубы. Понимаю, что ещё ждать одну машину – самоубийство. И не дожидаясь, что он скажет, засовываю телефон в карман куртки и подхожу к задней двери. Сама открываю её и погружаюсь в тёплый салон, боясь дышать. Тут ведь всё им пропахло. Его одеколоном, запахом его тела.

Так и есть.

Хочется открыть окошко, чтобы проветрить, но боюсь, мышонка продаст. Да и не для этого я согласилась сесть в тёплый салон. Из-за доченьки.

Сажаю к себе её на колени и невольно ищу взглядом детское кресло. У Гордея ведь есть ребёнок.

Но кресла не нахожу.

В багажнике? Или не возит в своей машине?

Мотаю головой. Неважно.

Крепче обнимаю Сонечку.

Слежу за тем, как Волков достаёт сигарету на улице и

быстро курит.

Начал курить?..

Раньше он этого не делал.

Жизнь потрепала?

Выкурив половину сигареты, тушит её, выкидывая в мусорный бак неподалёку. Садится в салон и трогается с места. Даже не спрашивает адрес – уже сам знает куда ехать.

Стараюсь не смотреть на него. Но знаю, что кидает на нас взгляды через зеркало заднего вида.

Сонечка на моих руках невольно засыпает.

– Почему не согласилась на работу? – вдруг спрашивает. Знала ведь, что так будет! – Из-за меня?

– Нет, – отвечаю коротко, наблюдая за сменяющимися пейзажами за окном. В какой-то момент мы встаём в пробку, и едем уже не так активно. Как назло, время тянется. А тишина в салоне не задерживается.

– Деньги не нужны?

– Нет, мне хватает.

– Состоятельный жених? – усмехается. – Не муж. Кольца нет.

– Может быть, – отвечаю, уклоняясь. Хорошо, что он не видел мой паспорт. Там, в графе дети, записана Сонечка. С его отчеством. Как и в свидетельстве о рождении.

Только как он нашёл адрес, где я живу – вопрос. Паспорта в сумке не было, слава богу.

– Помирилась с Игорем?

Чёрт возьми! Он лезет в мою личную жизнь.

И мне это не нравится!

Не хочу его впускать!

Но всё же отвечаю, чтобы знал: у меня всё отлично.

– Да, мы хорошо общаемся, – улыбаюсь. – И он даже пытался найти твою жену, которая сбила меня на своей машине.

– Ожидаемо, – усмехается, поворачивая руль. После аварии я немного боюсь машин, но с ним мне безопасно. Знаю, что водит он отлично.

– Ага. И то, что ты замаял это дело – тоже, – кидаю ему.

– Это не я, – говорит серьёзно. А кто же тогда? – И если бы ко мне заявился твой брат, мы бы поговорили.

– Ага, кулаками. Как в прошлый раз, – отвожу взгляд в сторону, и закусываю губу. Слишком постыдный для меня момент. Не хочу его вспоминать, но он сам лезет в голову...

Глава 12

Настя

Полтора года назад

Запрыгиваю на шею любимого мужчины и до боли в собственных руках обнимаю его. Крышесносный аромат его одеколона проникает в нос, успокаивая после ссоры с братом. И вместо злости всё нутро заполняется трепетом.

Потому что я рядом с ним, с Гордеем...

– Привет, непоседа, – ласково обнимает меня в ответ, как хрустальную куколку. Волков подкачанный, широкоплечий

и для меня настоящий гигант. Он часто говорит, что боится сжать меня сильнее, и я лопну, как стекло. – Ты, как всегда, любвеобильна.

Хоть и намекает на меня – сам наклоняется, прикасаясь своим носом к моему. Трётся, как кот, явно скучая по мне.

– Да! – радостно улыбаюсь, всё ещё не в силах оторваться от него. И уже даже кошки не скребут на душе от разговора с Игорем! Вот что делает сила любви!

Тихонько хихикаю себе под нос.

– Поехали в боулинг! Будем поднимать настроение. Хотя рядом с тобой оно уже прыгает выше крыши, – заглядываю в его карие умопомрачительные глаза. Боже, какая же я дуручка. Влюбилась до безумия и жизни теперь без него не вижу. А когда смотрю – такое счастье переполняет, и всё кажется сном.

– Что-то случилось? – резко хмурится, сжимая свои ладони на моей талии.

– Брат, – закатываю глаза и опускаюсь на землю. А то повисла на нём...

– Снова промывал мозг? – как-то скучающе и беспристрастно. Для нас это уже не в новинку. Братик не одобряет наши отношения и даже говорил об этом с Волковым. Чтобы оставил меня в покое.

А я не хочу.

– Да, – хмурюсь, надувая губки. Специально. Хочу, чтобы он погладил меня по голове, приласкал и успокоил. Тоталь-

ный контроль этого недородителя меня уже изрядно вымотал! – Задрал! Он меня контролирует!

– Всё-всё, успокойся, – мягко, что несвойственно для него, проговаривает большой босс. Видела я его, когда он суровый был! Спряталась в уголок, сжавшись вся. Не на меня орал, но страху натерпелась.

А со мной... он другой.

– Его здесь нет. Не будем о нём, ладно? Тебе девятнадцать, и ты вольна делать то, что тебе хочется, – успокаивает бархатным голосом, а затем легонько щёлкает меня по носику.

– Вот именно, что ей всего девятнадцать, – раздаётся зло сбоку. Резко оборачиваюсь и чуть не падаю на месте от испуга. Благо Гордей придерживает меня, а при появлении брата только сильнее обнимает. Но почему-то Игоря я не боюсь. Особенно с Волковым.

Он – мой защитник. В его руках я как в крепости.

– Что ты здесь делаешь? – нападаю первая, завидев брата. Что он здесь делает? – Ты что, следил за мной?

Сегодня вечером мы с Гордеем решили сходить на свидание. Я сбегая к нему нечасто, у него много работы, да и мне запрещено. По плану у нас был ресторан, а потом боулинг. Затем мы хотели поехать к Гордею, чтобы посмотреть фильм.

А тут...

Планы все рушатся.

– Следил, – опять выпаливает яростно. – Когда моя мел-

кая сестра едет непонятно куда к взрослому мужику, меня это волнует. И кажется, мы уже говорили, Насть, на эту тему, что я против ваших встреч. И если ты не понимаешь, я поговорю с ним. И в этот раз более жестко.

Он начинает закатывать рукава рубашки, а я пугаюсь. Брат сам по себе холодный, держит эмоции под контролем. Но когда дело касается меня – может слетать с катушек. Я же одна у него, вот он и волнуется.

Но почему?!

Гордей меня любит, я его люблю.

Разве это нехорошо?

Кому важен возраст? Да, между нами разница больше десяти лет, но... Это ведь неважно! Нам вместе хорошо!

– Игорюш, – пытаюсь его успокоить.

Только драки на крыльце ресторана нам не хватало!

– Давай успокоимся?

Чувствую, как хватка на моём теле пропадает. Гордей неожиданно делает шаг вбок, а потом вперёд, заслоняя меня собой. Я должна чувствовать себя в безопасности, но ощущаю только страх.

– Давай поговорим, раз ты хочешь, – ещё враждебнее проговаривает Гордей. Начинаю паниковать. Ищу взглядом охрану. А нет её! Такой дорогой ресторан, а никаких людей! – Кажется, я уже говорил, что мне плевать на твои слова.

– Плевать, конечно. Ты наиграешься и бросишь её. Тебе нравится ломать молодых девчонок?

Кажется, любимого это сильно задевает, раз он снимает пиджак, кидает его мне через своё плечо. А затем так же, как и брат, закатывает рукава рубашки, принимая вызов...

Я не успеваю ничего понять, как Гордей делает шаг вперёд.

А потом я вскрикиваю, когда оба замахиваются друг на друга кулаками...

– Ну, хватит тебе реветь, – успокаивает меня этот неотёсанный мужлан, улыбаясь и держа за талию. Смахиваю рукой слёзы и продолжаю стирать кровь с его рассечённой брови.

– Это из-за меня, – шмыгаю носом, всё бросая и обнимая его. Утыкаю его лицо в свой плоский животик. Пытаюсь успокоиться. Он тут... Рядом! Живой! – Если бы я не влезла... Не отвлекла тебя...

– Перестань, – приглушённо слышится в ткань моего свитера. – Всё хорошо.

– Конечно, вас охрана растащила... Если бы не она... не знаю, что было бы. Игорюша с ума сошёл. Чувствую, это была последняя точка его кипения...

Закусываю губу.

Снова речь заходит о брате – и меня выворачивает наизнанку.

Потому что я с Гордеем, а не с ним. Обрабатываю ранку любимому мужчине, а не брату, которому тоже досталось.

Это вызывает чувство вины, но... Рядом с Волковым все

негативные чувства отходят на задний план. С ним я живу, да и просто рада быть на этом свете.

– Мне плевать, Настён, – поднимает голову и смотрит на меня. В этих глазах – весь мой мир. Там плещется любовь, желание... Всё. – Ты дорога мне. И разница в возрасте меня не коробит. Рядом с тобой мне словно восемнадцать. Да и вообще херня всё это, малыш.

– Правда? – спрашиваю дрожащим голосом.

Ощущаю его ладони, скользящие вниз по талии и тут же поддевающие свитер. Его пальцы забираются под ткань, скользят по обнажённой коже, и я вся покрываюсь мурашками.

– Правда. Нас никто не разлучит. Я буду для тебя первым и последним. Доверишься мне?

Волнение клоочет в груди от того, что он это говорит. Гордей скуп на такие слова, но сейчас... он расслабляет меня. Заставляет потеряться в его тёмных омуты, в нём... Я чувствую надёжность. Я верю, что он меня не бросит.

– Да, – выдыхаю, чувствуя, как его руки всё дальше скользят вверх, к груди. – Хочу. Вместе. И навсегда.

Он улыбается.

Снимает с меня свитер, крепко обнимает и тянет в свою сторону. Оставляет в одних джинсах и в обычном белом хлопковом лифчике. Сегодня я не рассчитывала на наш первый раз...

Сажусь на его бёдра, ощущаю его желание даже сквозь

грубую и твердую ткань.

Это необычно. И страшно. У меня ещё ни разу не было, хоть мы и встречаемся уже месяц. Он ждал, терпел, не наседа. Не позволял лишнего, хотя я порой видела, как ему тяжело. Как сдерживается...

Ждал меня.

И я решаюсь.

Слёзы снова выступают на глазах при виде рассечённой брови. Задело печаткой...

Но пытаюсь отвлечься.

Сегодня есть только мы.

Я и мой первый и самый дорогой мне мужчина.

Наше время

Как иронично. Тот вечер стал решающим. После нашего первого раза, полного любви и нежности, я поссорилась с Игорем и ушла из дома. Переехала в пентхаус Гордея.

Несколько месяцев счастья, а потом оно рухнуло.

Променяла родного человека на Волкова.

Дурой была. Полной.

Поглядываю на свою спящую малышку.

Улыбнувшись, прижимаю к себе и на мгновение прикрываю глаза.

Моё маленькое счастье. Последствия той ошибки...

Ни о чём не жалею, хоть и стыжусь. На четвёртом месяце беременности пришла к брату мириться. Понимала, что од-

на не выживу. Ребёнка не подниму. Хотя и была гордая до одури, с ветром в голове...

Вернулась к Игорю, в родной дом. Не только из-за малышки, но и из-за тоски по родному человеку. Поняла, что родную кровь на какого-то мужчину не меняют.

Было стыдно, но... Все в прошлом. Мы вернули нормальные отношения и вновь стали семьёй.

Вырываюсь из мыслей.

Про что он говорил?

А, что кто-то замял это дело.

– И кому же это понадобилось?

– Кате.

Как-то честно. И неправильно.

И её имя из его уст звучит... пусто. Без интереса. Будто в нём не чувствуется любви.

Неужели за это время он так её и не полюбил? Терпит из-за ребёнка?

– Ясно, – обрубаяю. Я узнала всё, что хотела. Больше с этим человеком контактировать я не хочу...

Снова повисает давящая и звенящая тишина. Но лучше так, чем...

Я рано радуюсь и обрываю себя, поскольку Волков моих желаний не разделяет. И нарушает тишину в салоне:

– Возьмись за работу. Лезть не буду, если и пересечёмся – то всего раз.

– Зачем мне это делать? Как ты понял, деньги мне не нуж-

ны, — даю вспомнить про брата.

Он молчит. Не может найти ответ?

— Ты же любила это. И всегда бралась за любое дело, умелые ручки.

Сердце ноет.

«Умелые ручки». Всегда так называл. За то время, что я жила с ним, мы вместе рисовали, лепили из солёного теста. В основном всё делала я, но он сидел рядом, изредка помогая мне. И мы болтали.

От приятных воспоминаний теплеет в груди.

Почти улыбаюсь.

Это время уже не вернуть.

— Прости, интересы поменялись, — хмыкаю, с нетерпением глядя на светофор. Когда же загорится зелёный, и мы тронемся? До дома ещё ехать и ехать...

— Я предупредил. Если возьмёшься — скорее всего, мы не увидимся.

— Рада слышать.

Хотя и на душе что-то странное появляется. Тяжёлое.

Раньше этот человек любил только меня.

А теперь... нет.

Плевать.

Мы оба замолкаем и до самого дома едем в тишине.

Когда заезжаем в мой двор, слышу его:

— Уснула? — спрашивает, глядя на малышку через зеркало и отстёгивая ремень безопасности.

– Да, – тянусь к ручке двери. Как же не хочется выходить на улицу – там жутко холодно. Ещё и метель разыгралась. Благо идти недалеко. – Сонечка та ещё соня.

Зачем говорю ему её имя – не знаю.

Но пусть будет в курсе, как зовут его дочь...

– Погоди, помогу выйти.

Он выскакивает из салона, обходит машину и открывает мне дверь. Аккуратно выхожу на улицу, чувствуя свой маленький мешочек на плече. Так было тепло, что Сонечка крепко уснула и расслабилась на мне. А теперь даже не шевелится, когда раздаётся хлопок двери.

Надо бы быстрее бежать домой, пока она не проснулась от мороза.

Оборачиваюсь, чтобы поблагодарить Гордея. Хоть мы и разошлись, я не держу на него зла. Всё же он выбрал ребёнка, а не меня.

Я бы тоже выбрала Соню, если бы у меня был выбор – он или она.

Перед глазами появляется мужская грудь, обтянутая чёрным свитером. Я и забыла, какая у нас разница в росте. С трудом дотягиваюсь макушкой до его подбородка.

И он, как всегда, не застёгивает куртку...

Ещё и стоит слишком близко.

Но сейчас попрощаюсь и быстро пойду.

Поднимаю взгляд на лицо мужчины.

За эти полтора года он ничуть не изменился. Только если

морщины вокруг глаз появились и усталость...

– Спасибо, что подвёз, – говорю искренне. Кто его знает, сколько бы мы там стояли и ожидали такси.

Он не отвечает.

Продолжает смотреть на меня с каким-то напряжением.

Хочет что-то сказать? Выговориться?

Лучше не надо.

Но я ошиблась в своих догадках.

В следующую секунду его рука обхватывает меня за талию, он прижимает к спине ладонь, которую я чувствую даже через ткань пуховика...

Глава 13

Гордей

Руки сами тянутся к хрупкой фигурке. Настя всегда была миниатюрной девочкой. Я любил её маленькую грудь, её плоский животик, не широкие, но роскошные бедра. Обо-жал её трогать.

И сейчас с трудом сдерживаюсь.

Она выходит из машины, крепко держа своего ребёнка на руках. Только он и удерживает меня, чтобы я не вжал Покровскую в металлическую дверь.

Зачем?

На этот вопрос у меня нет ответа.

Просто хочу.

Но понимаю, что, вмешиваясь в её жизнь, делаю хуже нам обоим.

Я подсаживаюсь сильнее, а она страдает. Я с трудом избавился от своего помешательства.

Я давно мог оставить Катю, узнав о её выкидыше. Мог вернуться к своей любимой. Но. Один раз сделал больно. И второй раз делать этого не хочу. А я сделаю. Непроизвольно. Просто отравлю её, если останусь рядом.

Игорь был прав.

Мы не подходим друг другу. Она – молоденькая девчонка, у неё вся жизнь впереди. А мне уже за тридцать. И если у кого-то жизнь только начинается в это время, то... не у меня.

Семья без ребёнка – не семья. А у меня детей больше не будет.

В противовес своим же мыслям обнимаю Покровскую. Как в бреду.

– Что ты делаешь? – слегка хмурит бровки и напрягается. Вразумительного ответа нет.

Поэтому выпаливаю то, что первое крутится на языке:

– Показалось, что ты сейчас упадёшь. Вдруг голова закружилась? Как ты вообще после аварии? Ничего не болит? Не обследовалась?

– Нет, всё нормально, – делает шаг назад, потупив взгляд. – Спасибо, мы пойдём.

Опять отдаляется, уже машинально держа дистанцию. Но так просто её не отпускаю.

Какой-то больной порыв, но моя рука ложится на её холодную румяную щёку.

– Гордей, перестань, – решительно заявляет Настёна. Та самая, которая звонила мне ночами и плакала в трубку, говоря, что не может уснуть без меня. А потом смеялась от сказанной же глупости.

Резко отдёргиваю ладонь.

– Не знаю, что на меня нашло, – цежу сквозь зубы.

Нет, знаю. Чувства старые открылись, вырвались из-под замка.

– Кажется, мы договорились с тобой обо всём, когда разговаривали в последний раз...

Наш последний разговор – отдельная тема. Мы просто сели и поговорили. Без истерик, без метаний посуды. Настя только молча слушала, а потом плакала, поджимая губы. Говорила, что понимает меня, но ненавидит. За то, что разрываю с ней отношения из-за Катиного ребёнка.

Сошлись на одном – не отравляем друг другу жизнь.

– Да, – короткий кивок.

Смотрю на ребёнка у неё на плече. Он для меня – как отрезвляющая и острая пощёчина. Не делает больно, но останавливает. Говорит, что эта девушка принадлежит теперь другому. И я рушу чужую семью, как однажды Катя разрушила нашу. Несостоявшуюся, но такую желанную.

Млять, хочется врезать самому себе.

– О, Настюш!

От мужского голос меня коробит.

Настюша.

Аж рычать хочется.

По тротуару быстрым шагом идёт молодой парень. С пакетом в руках. Не сразу замечает меня, поэтому подходит к девушке и бьёт себя по губам, когда видит спящую малышку.

– Блин, прости, я не подумал.

– Ничего, – мотает головой. – Знаешь же, что она та ещё соня...

Сонечка. Милое имя.

Мы как-то говорили с ней о детях. Она честно призналась, что ещё не готова и о материнстве даже не задумывалась. Я понимал – она и сама была тем ещё ребёнком. Ярким, с игривостью в глазах.

И о моей проблеме мы в курсе.

И имена детей... никогда не обсуждались.

А тут... Теплое такое, сказанное с любовью.

– Да-да, – осознаёт парень и вдруг наклоняется, целуя девушку в щёчку.

Вскипаю за секунду.

Настя теряется, а он продолжает:

– А вы чего гуляете так поздно?

Спрашивает и взгляд переводит на меня.

Обычный парень. Старше Покровской на несколько лет. Неожиданно меняется в лице, заметив мои плотно сжатые челюсти и раздувающиеся от гнева ноздри.

Я взбешён.

– У тебя какие-то проблемы? – спрашивает серьезнее у

Покровской.

И кто он такой? Её жених?

Да, он.

Обнимает её...

– Нет, всё хорошо, – мило улыбается ему.

Эта улыбка предназначена не мне. ЕМУ.

– Этот человек мне помог. Я тебе потом расскажу. Пойдём? Ты с работы, устал, наверное, – продолжает ласкать слух своим заботливым голосом.

Он кивает.

Поворачиваются, чтобы уйти, но перед этим Покровская кидает мне:

– Доброй ночи, Гордей Алексеевич.

Не отвечаю.

Смотрю ей вслед.

В мгновение будто луна погасла. Света нет. Выворачивает от одной картины, где эта семья направляется домой, болтая об обычной жизни. Смеются, улыбаются. Хоронят меня под толщей снега.

И добивают своим живым разговором:

– Завтра выходной. Погуляю с вами днём.

– О, здорово. Можем зайти в ту булочную, которая тебе нравится.

– Я туда первым делом побегу, – смеётся ответно.

Ладони превращаются в кулаки.

Челюсти сдавливаю с такой силой, что зубы вот-вот нач-

нут крошиться друг о друга.

Настёна счастливая...

Этого я и хотел.

И до сих пор только этого и желаю.

Но опять себя не понимаю. Достая телефон из кармана куртки и направляюсь к водительскому креслу, по пути набирая знакомый номер.

Через несколько гудков звучит:

– Да, Гордей Алексеевич?

– Узнай мне всё о Насе Покровской. Ты недавно узнавал её адрес. И пришли, что есть. Интересует её семейное положение, есть ли недвижимость, замужем ли. И чем занимается.

Зачем?

Хочу знать всё. Приглядывать за ней.

– Ага, понял. Постараюсь прислать в ближайшее время.

Получив удовлетворивший меня ответ, убираю телефон в карман. А сам ещё несколько минут неотрывно смотрю в сторону отдаляющейся пары.

Заходят за угол.

И на секунду мне кажется, что Настя обернулась.

Но нет. Это всего лишь моя фантазия. Моя хотелка.

Покровская забыла обо мне, когда в поле её зрения появился этот парень.

И это бесит до невозможности.

Раньше я был для неё всем миром. А теперь я лишь жал-

кий клочок земли у неё под ногами, о который она споткнётся и пойдёт дальше.

И я не знаю, чего хочу больше: остаться им и дальше или...

Прерываю себя.

Никого «или».

Как раньше – больше не будет.

Теперь у неё одно счастье в её сердце. Её ребёнок.

И там для меня места нет.

Глава 14

– В смысле «аренда выросла»?! – кричу в трубку, пугая всех домочадцев. А именно Сонечку, смотрящую огромными глазами, и Колю, который застывает с котлетой в руках.

Машинально глажу обоих по макушкам и говорю уже тише:

– Слушайте, но вы ведь только недавно повышали её, – говорю уже спокойнее, облокотившись о подоконник. Решили, блин, пообедать. В итоге все едят, а я, как дурочка, только запахи нюхаю. Я тоже хочу есть, пока горячее!

– Настюша, хозяин поменялся. Выкупил всё здание, и повышение аренды – его прихоть.

– Много... – срывается с губ. Я на своих занятиях и так немного зарабатываю. Хватает на аренду и сверху, чтобы у брата денег не брать. Нам вдвоём много не надо, особенно в своей квартире. В общем, не нуждаемся. А так... вообще попа будет.

И без студии своей не могу.

Только если открыть другую, где-то поближе, но... Удобно ли будет остальным? Снова набирать учениц?

Нет, этого я не вынесу!

– Все так говорят.

– И много кто отказался продлевать?

– Пока никто.

Может, и мне не надо?

– Но думаю, это временное повышение. Хозяин появился внезапно, буквально с утра. Поговаривают, всего на пару месяцев. А там новый будет, возможно, снизит. Этот богач ненасытный просто.

У богатых свои причуды и правда. Но мой брат, например, хороший!

– Ну, если на несколько месяцев... – где-то тлеет надежда.

– Ладно, да, буду и дальше арендовать.

А потом посмотрим. Может, за это время возле дома что-то подыщу.

А деньги... Заработаю. Или у Игоря попрошу. Вот это – последнее, что я хотела бы делать.

Ничего, справлюсь.

На мгновение в голову приходит мысль поработать в торговом центре и расписать стены, но...

Волков.

Огромная, большая проблема.

А так... Лёгкие деньги и хорошее времяпрепровождение.

– Хорошо, запишу себе. При встрече всё обговорим.

– Ага...

Отключаюсь и, свесив голову вниз, пытаюсь выдохнуть.

– Опять аренду подняли? – жуя, спрашивает Коля. Отрываюсь от подоконника, сажусь на просторной кухне рядом с дочкой и набираю в ложечку фруктовое пюре.

– Да, – морщусь.

– На сколько?

– На одну четвёртую...

– Грабители, – цедит Коля и чуть не бьёт кулаком о стол. А потом неловко улыбается, отправляя макароны в рот. – Хотя я тоже грабитель. Пришёл и съел обед соседки.

– Это я тебя позвала, – тихонько хихикаю. Доченька уплетает пюре за обе щеки и с интересом смотрит на снежинки за окном. Впервые хочет гулять сама?! – Плюс мы ведь договаривались собраться в твой выходной.

– Дай угадаю. Ты решила меня покормить, чтобы мы не зашли в ту пекарню?

Закусываю губу и пытаюсь скрыть улыбку.

Как он догадался?!

Сегодня утром глянула на себя в ванной в зеркало. Животик после родов подтянулся, даже пришёл в прежний вид, но... Нет! Чуть-чуть поправилась всё же. А булочки сейчас усугубят положение... А я-то знаю, что куплю их.

– Нет, что ты...

Под его смех мы обедаем, а потом собираемся на прогул-

ку. В этот раз без привычного ритуала – коляску выносит Коля. Гуляем недолго, и в этот раз подальше от дорог. После того случая я вообще с опаской выхожу на улицу.

– Ты, кстати, так и не рассказала, кто это был, – говорит Коля, когда мы возвращаемся домой, и он замечает пустое парковочное место, которое вчера занял Волков.

– М-м-м, это был потенциальный заказчик.

– Почему потенциальный? Не сошлись во взглядах?

– Да нет. Просто... Не знаю. Душа не лежит, – нагло вру.

– Но подумываю согласиться. Ему нужно в игровой детской комнате стены расписать.

– И оставить свой след на долгие годы там? – с воодушевлением продолжает.

Ах, знает, чем меня подловить!

Я всегда мечтала, чтобы написанные мною картинки куда-нибудь попали. На выставки, в галерею. Да хоть куда-то! Оставить свой след в истории... Хотя бы ненадолго. А тут есть прекрасная возможность.

Хотя я вон и садик украшала...

– Соглашайся, чего ты?

– С Сонечкой не поработаешь, – говорю честно.

– Няня же.

– Иногда дорого!

– Я могу в выходные посидеть с ней. Сонечка же меня любит? – мужчина останавливается посреди тротуара с коляской, которую он же и вёз, не дав мне. Мою дочку он и правда

любит и сюсюкается с ней, как с родной. Вот и сейчас обращается к ней ласково, задорно: – Сонечка же меня любит?

А она улыбается, машет ему в ответ ручкой и начинает сидя подпрыгивать.

– Во-о-от, – довольно тянет. – Видишь? Уж два часа мы с ней усидим. Или сколько тебе там надо?

– А ты её покормишь? – смеюсь.

– А что надо? Просто бутылочку дать? Или надо грудь накладную покупать?

Он в игривой форме прислоняет ребра ладони к своему торсу и имитирует, будто держит в руках грудь. Чуть качается, доводя меня до слёз.

– Нет, бутылочку, – стираю с уголка глаза слезинку.

– Уф-ф-ф, ну, с этим уж я справлюсь, – бьёт себя в грудь. А затем приобнимает меня и хлопает по макушке. Именно этим я заразилась от него. – А тебе, мамочка, надо отдыхать от декрета. А то с ума сойдёшь...

Я улыбаюсь.

В чём-то он прав.

И я воодушевлённо, чувствуя какую-то поддержку и спокойствие, проговариваю:

– А вот возьму и соглашусь.

Волков же обещал не лезть к нам? Вот и проверим!

Глава 15

Настя

Волков пока вроде держит обещание. На следующий день

после принятого решения звоню Милане и соглашаюсь на её предложение. В тот же день она сводит меня с главным дизайнером.

И я выдыхаю, потому что буду работать с людьми Волкова, а не с ним самим.

К тому же у меня есть отличная мотивация – разобраться со своей работой как можно быстрее и вернуться к своим делам. И не увидеться с ним.

– Дизайн вам уже показывали? – спрашивает Ирина, отвечающая за ремонт помещения.

Я киваю, засунув руки в карманы пуховика.

– Да. Уже изучила, сегодня могу приступить, сделать набросок.

– Отлично, – воодушевленно отвечает девушка. Она кажется хорошей, поэтому я, невольно доверившись ей, интересуюсь:

– А как часто сам заказчик приезжает и контролирует процесс?

Просто интересно – стоит ли мне ждать подлянки или нет.

– Никогда, – пожимает плечами. – Скидываю ему фотоотчёты. Его вообще мало интересует, что здесь будет. А вот его жена, Екатерина Михайловна, она да. Любит всё это дело. Но она тоже работает дистанционно.

Выдыхаю.

Это хорошо...

– Всё, могу приступить? – спрашиваю, уже снимая с себя

перчатки.

– Да-да. Все материалы там, – указывает на поддон неподалёку. – Если что-то нужно перетащить, принести стремянку... Тут много рабочих, можете попросить кого угодно. Аврал, поэтому вы тут не одна.

Киваю, вновь осматриваясь. Хоть торговый центр ещё не открылся – тут и правда много людей. Заканчивается отделка всех этажей, доделываются мелкие штришки. Я впервые наблюдаю что-то подобное.

Прощаюсь с девушкой, снимаю с себя куртку. Собираю волосы в хвост, достаю наушники и засекаю время. У меня есть ровно час на всё про всё и полчаса на дорогу. А потом мелкая проснётся.

Поэтому я должна уложиться.

Найдя мелки,вливаюсь в работу под энергичную музыку. Сразу же появляется запал, и я уже перестаю контролировать себя, забывая смотреть на макет, который показал дизайнер. Поэтому часто приходится останавливаться, успокаивать свою рвущуюся наружу фантазию и виденье и стирать всё, рисуя заново.

Но как же это приятно... Снова вернуться к любимому делу.

Да, роспись стен – не то, о чём я мечтала, но в последний раз я была наедине сама с собой... год назад. И впервые я ловлю такое спокойствие. Не слежу за каждым вздохом дочки. Не думаю, как буду вытаскивать коляску на улицу. Ни-

че-го.

Мел сам скользит о стене, рисуя образы.

В голову то и дело приходят мысли о Сонечке, но я уверена, что с ней всё хорошо. Коля бережно относится к моему ребёнку, хоть и не отец. Это приятно... У него есть младшая сестра, и практика с годовалыми детками у него была. И неважно, что это было двадцать лет назад. Он всё равно крутой.

Кто-то легонько бьёт меня по плечу.

Мел выпадает из рук, и я резко оборачиваюсь, вынимая один наушник.

А там...

Улыбающаяся молодая женщина, черты лица которой я никогда не забуду. Ту плачущую физиономию, прячущуюся до последнего за стеклом автомобиля. Ту, что даже не извинилась, не поинтересовалась, всё ли у меня хорошо, сбив на пешеходном переходе.

Виновница аварии.

И жена Волкова.

При виде моего лица её улыбка соскальзывает с губ. Пугается, теряется, но всё же произносит:

– Здравствуйте...

Короткий кивок.

Говорить с ней нет никакого желания.

– Не ожидала увидеть вас... тут... – отводит взгляд в сторону. И кажется, даже отдаляется от меня. Невольно в глаза

бросается её шуба. Она как та самая богатая фифа из фильмов, от которой так и прёт роскошью и богатством. Но говорит вроде не надменно, а даже с какой-то виной в голосе. — Какое совпадение.

— Ага, — отвечаю без энтузиазма.

— Эм, ну... Я сожалею, что не извинилась лично...

Да она и дистанционно этого не сделала. Или она про Гордея?

— Как-то неловко было. Я впервые была в такой ситуации, перепугалась.

— Давайте не будем, — осекаю её резко. Весь настрой и запал летят к чертям собачьим, когда встречаюсь с ней взглядом.

Аварию я не прощу. И даже не хочу об этом говорить.

Она стала мне ненавистна.

И заставила в груди вспыхнуть огромный шар из обиды.

Никогда не хотела встречаться с той, кто отбил у меня парня. Невольно начинаю сравнивать нас. Цвет волос, черты лица... Мы ничем не похожи. Кроме одного. Обе смогли забеременеть от мужчины, у которого в анамнезе стояло «бесплоден». Переболел чем-то в детстве, поставив крест на продолжении рода.

Вот так порой какая-то дурацкая болячка может лишить всего.

А тут... сразу двое.

И конечно, он выбрал её ребёнка, не зная, что у нас он...

тоже будет.

– Хорошо-хорошо, – тараторит. – Я тут как заказчица. Вообще, муж заведует всем этим, но именно разукрасить стену было моей идеей.

«Разукрасить»! Как по-детски звучит.

– Хочу глянуть, как вы работаете. Вы мелом рисуете, да? Я думала, сразу чистовиком, красками. Меньше же времени уйдёт.

Начинаю закипать.

Потому что ненавижу, когда в мою работу кто-то врывается!

Благо мне осталось немного.

– Вряд ли вы что-то сейчас увидите. Только наброски. Завтра тоже.

Так и хочется сказать, что и через неделю она ничего нового не найдёт, и не стоит сюда приходить, но не решаюсь. Не хочу портить себе настроение окончательно.

Жалею ли я уже о своём решении, что пришла сюда? Немного.

Я была уверена, что Волков сдержит своё обещание, но ничуть не подумала о его жене. А теперь мне приходится терпеть её общество, ибо, даже не получив разрешения, она садится на поддон с банками с краской.

– Я скоро заканчиваю, – пытаюсь намекнуть, что ей не рады.

Но тут как раз у неё звонит телефон, и она забывает обо мне.

Ладно... Осталось работы минут на десять. Потерплю.

Продолжаю набрасывать рисунок и невольно слышу чужой разговор:

– Да, дорогой?

Говорит с Гордеем?

Может, надеть наушник? Ага, а потом мне будет некомфортно не слышать ту, что может кидать мне всякие гадости в спину.

– Я сейчас в торговом центре, смотрю, как художница рисовывает стены.

Нет... Только не говорите мне, что сейчас из-за своей жёнушки подтянется и он?..

Глава 16

Настя

Сжимаю в пальцах мел. Хоть бы пронесло! Он ведь обещал, что не будет сюда приезжать.

– Чего ты злишься? – негодует девушка. Злится? С чего бы? – Мне стало интересно. И представляешь, тут та самая девочка, которую я...

В этот раз неловкости в её голосе нет.

Видимо, извинилась и забыла.

– Не кричи на меня, – в следующее мгновение чуть не хнычет. – Я поняла, да... Скоро буду там. Может, ты заедешь за мной?

Застываю. Сама ожидаю ответа.

– Опять такси?! Я устала! Знаешь, как долго приходится

ждать его в такие снегопады! А мне стой на улице? А если я заболēju?

Такси?

Слава богу... На одну дуру на дороге стало меньше.

– Ладно, я поняла, – понуро отвечает. Продолжаю делать набросок, успокаиваясь. Гордей обещание своё сдержал – не приехал. Чему я и радуюсь. Всё же он человек слова.

Хотя одно однажды нарушил.

«Вместе и навсегда».

Да-да.

– Эти мужчины, – вдруг начинает недовольно жаловаться Екатерина. – Эгоисты. Лишил меня прав, и сам же отказывается возить меня.

Она серьёзно обсуждает это со мной? Ту, которую чуть не переехала на своём автомобиле?

– Порой мне кажется, он меня не любит.

Может быть. Терпит из-за ребёнка. Из-за семьи... Он же повёрнут на семейных ценностях.

– У вас же есть муж? Ну, я подумала, что имеется, раз есть ребёнок...

Я буду груба – если пошлю её?

Я беззлбна и во всех ищу хорошее, но к этой девушке только ненависть пробуждается. Аж самой тошно от своих эмоций. Ничего хорошего не могу в ней найти.

– К чему вопрос? – пытаюсь спросить деликатно, без резкости.

– Ваш муж так же ведёт себя, как скотина?

– Например? – останавливаюсь, оборачиваясь. Резко стало интересно, какие у них отношения. И как Волкова жизнь наказала...

Екатерина недовольно хмурится и болтает ногой, явно что-то вспоминая.

– Ну, вот даже взять ситуацию с вами... Вместо того, чтобы поддержать меня и успокоить, он забрал мои права и машину.

Она явно внезапно понимает, с кем говорит, и осекается:

– Неудачный пример, да... А если другой? Мы не ужинаем вместе. Никогда. Только в ресторанах, и когда у него хорошее настроение. И я напрашиваюсь. Но чтобы вы понимали, у него плохой настрой круглые сутки.

Правда? Со мной, я помню, он был не таким.

– И не ходим на свидания. Он вечно в работе. А мне хочется ласки и тепла.

– Мужчины... – только коротко выдаю, вновь возвращаясь к стене. Она намного приятнее, чем моя собеседница.

– Мне кажется, он меня ненавидит. Я даже знаю причину. Я тоже. Наверное, потому что ты увела его у ме...

Нет-нет. Я не буду об этом думать.

– Почему? – хрипло вырывается из горла, чтобы поддержать беседу. – Если не секрет.

– Многие мужчины в его возрасте хотят детей. И мой хотел. А я вот... Выносить не смогла. Выкидыш был. Вот те-

перь и за женщину меня не считает.

Рука замирает в воздухе. Остался последний штрих, и можно собираться домой, а я стою как вкопанная. Пытаюсь переварить поступившую информацию.

У Гордея... нет ребёнка?

На секунду мне становится жалко их обоих. Её – как женщину.

Потерять малыша... Представить не могу, как это больно. Я бы сошла с ума.

И Волкова на мгновение жалею.

Он по-настоящему мечтал о ребёнке. Бросил меня, зацепился за Катю только из-за малыша. Наверняка ждал его, представляя, какое счастье обретёт. А потом это ожидание оборвалось.

Такая надежда... И нет её.

И снова на секунду мелькает мысль.

Сказать ему о Сонечке? Обрадовать?

И что тогда? Я снова впущу его в свою жизнь. Он будет рядом. Отравлять меня, мою жизнь. Я снова разругаюсь с Игорем из-за этого. И ведь не подпустить его к дочери будет тяжело.

Ругань, скандалы...

Я не переживу этого вновь.

Становится немного обидно.

Наше расставание было зря...

Но я не жалею.

– Мне жаль, – срывается искренне.

Слышу звук расстёгивающейся змейки на сумке. Как копошится в ней. Кажется, шелестит пачкой сигарет, а потом чиркает зажигалкой.

Курит. Гордей такое ненавидит.

– А всё, – начинает, затянувшись, – из-за какой-то маленькой дряни, представляешь?

Оборачиваюсь. Беззвучно. Ни одного слова проронить не могу. Хочется, но я будто залезаю в ящик с грязным бельём.

Про кого она?

Есть одна догадка, но считаю, что несправедливая!

– Там долгая история, – закатывает глаза. – Мы какое-то время спали вместе, а потом он встретил какую-то малолетку и бросил меня. Вот так легко, представляешь? Просто сообщение написал, что всё кончено. А потом увидела, как он цветы дарил, она там писалась от счастья. Жалко, я её ни разу не увидела, интерес жгучий был. Сейчас-то пофиг.

Молчу. Да, я правда была счастлива, когда Гордей дарил мне цветы. Меня воспитывал брат и часто радовал подарками, приободряя. Я очень легко впадаю в депрессию, и он знает, как меня из неё вытащить.

Игорь для меня – пример мужчины. И цветы дарил.

И когда это сделал Волков, конечно, я обрадовалась.

– И когда я сообщила ему о беременности, и он выбрал меня, а не её, та овца все равно спокойной жизни не давала.

– Лезла? – глухо отвечаю.

Знаю, что это не так. Но интересно, что ответит.

– Хорошо, что нет. Но муж на ней прям помешался. Говорил, что меня никогда не полюбит, и я только контейнер для ребёнка. А он только её любит. Ездил к ней, присматривал типа. Иногда ловила его, как в телефон смотрел и улыбался. Думала, с ней переписывался. Терпела молча. Сама знаешь, птичьи права, все дела. Мужик богатый, со своими тараканами. Но меня так всё это нервировало. Он со мной жил, а всем своим видом показывал, что недоволен. И у меня выкидыш случился. В итоге я ещё и виновата оказалась.

Не могу переварить эти слова.

Разве мог Гордей сказать что-то подобное женщине с его ребёнком?

Всё это пахнет откровенной ложью. И то, что он ездил ко мне...

Не было его. Ни разу не видела.

Хотя я и из дома толком не выходила – плакала в подушку целыми днями. И мы точно не переписывались.

А если... У него другая ещё была?

Ломаю мел в пальцах. Непроизвольно.

– Любит, раз с вами остался, – пытаюсь сказать это как можно спокойнее. А у самой нотки печали и гнева в голосе. Зачем вообще надо было затрагивать эту тему?!

– Ну, так-то, да, – довольно отзывается она. – Всё же любит, раз к ней снова не побежал. Может, как-то по-своему.

Перевожу дыхание, бросаю мел в коробочку и хватаю влажные салфетки, чтобы вытереть руки.

– Простите, – перебиваю её, не желая этого больше слушать. – Мне пора, не могу составить вам компанию. У меня дочка проснулась. Надо бежать.

Быстро собираю свои вещи, не обращая на неё никакого внимания.

Сердце внутри бьётся как бешеное, а я не нахожу себе места.

Слишком много сегодня узнала. От этого и потряхивает так, что, боюсь, Катя увидит.

Ещё и дурно становится.

Ребёнка у него нет. И, кажется, помимо меня был кто-то ещё.

От последнего вообще выворачивает.

– М, да-да, конечно. Зря я приехала, ещё ничего и нет. Заеду на днях.

Зубы скрипят друг о друга.

Лучше бы вообще забыла дорогу сюда! Потому что от неё одни неприятности...

И именно из-за неё вылетаю из торгового центра и ещё двадцать минут брожу по улице, пытаюсь замёрзнуть, остудить мозг и перестать так бурно реагировать на все новости.

Гордей

– Больше ты туда не суёшься, – цежу сквозь зубы, только заведя Катю на пороге дома. Пьяной походкой спускается

по лестнице со второго этажа. Уже переоделась в зелёного цвета халат. Неприятный цвет, но намного лучше испачканной шубы, в которой она завалилась домой.

Где-то нахерачилась. Когда успела? Только пару часов назад звонил ей, чтобы съездила по делам, а не сидела в торговом центре рядом с Настей. В итоге эта овца куда-то пропала и явилась в таком состоянии.

– В бар больше нельзя? Но там так вкусно! Ты просто не был! – восклицает, дурачась.

Весело ей.

– И там тоже, – хотя мне абсолютно плевать – пьёт она или нет. Но пьющих женщин терпеть не могу. И курящих тоже. В первом состоянии ведёт себя неадекватно, а вторые вообще... Воняют, как пепельницы. Но это относится только к моей женщине. До других никакого дела нет.

Жаль, что Катя совместила в себе всё и сразу.

Странно, что она не раздражала меня раньше так сильно, как сейчас. Это из-за встречи с Настей?

Бред какой-то.

– А о чём ты? – походкой от бедра подходит к барной стойке, за которой сижу я. Поднимает ладонь, ведёт пальцем по моему плечу. Радостная и игривая настолько, что мне хочется все испортить. Погасить этот азарт в её глазах. – Куда мне больше нельзя ходить?

Бросает взгляд на мой пах.

– Туда?

– Идиотка, – выплёвывая, сделав глоток кофе. Остаться спокойным становится всё тяжелее.

– Ну, и что ты мне на этот раз запрещаешь? – подпирает голову рукой, облачаясь на стойку. – Пользоваться твоими деньгами? Фамилией? Или дышать?

– Не драматизируй, – аккуратно бью её по ладони, смахивая с моего плеча. Она кривляется, вся плавно двигается под градусами. – И слушай сюда. В торговый центр больше не суйся. Всё, твоя работа закончена. Поиграла в дизайнера – и хватит.

– Это ещё почему? – она еле держится на ногах. Вообще не со мной, а витает где-то в облаках. Хватаю её за плечи и торможу, пытаюсь привести в чувства.

– Ты больная? – шиплю ей прямо в лицо. Благо не сделанное. Но она хотела. А меня воротит от этих ненатуральных ресниц, кривых перекачанных губ.

Тут же отодвигаюсь, когда дышит на меня алкоголем. Она ещё и по пути сюда, по ходу, надралась.

Почему я вообще её терплю?

– Нет! Просто действительно не понимаю, что тут такого... Ты владелец нового торгового центра, так? – рассуждает вслух и смотрит на свой палец, которым крутит в воздухе. Пьянь... – Я твоя жена. Очень креативная и работала там вместе со штатом дизайнеров. И когда он на пороге открытия, ты хочешь меня устранить, да?

– Какая ты всё же бываешь догадливая, – говорю с сарказ-

мом и злобой. – Дура, ты серьёзно разговаривала с девушкой, которую сбила на своей машине? Ты чуть не оставила ребёнка без матери!

Цокает и закатывает глаза.

– Так вот ты о чём.

– Тебе проблем мало? – цежу опять. Млять, как же бесит эта тупая курица! – Если не она тебе их устроит, то я. За то, что мозгами не пользуешься. У тебя хоть капля вины за произошедшее есть? Или ты только о своей жопе переживаешь?

Сжимаю её щёки ещё сильнее.

Наконец-то она реагирует, морщится и недовольно проговаривает:

– Поняла я, поняла. Согласна, глупо... Но я же не знала, что там она будет! А ехать к ней теперь нет никакого желания. Она вообще... Выглядит как глупая блеющая овечка. Меня такие раздражают.

Резко выпускаю из своих рук её лицо. Буквально выкидываю, из-за чего голова Кати поворачивается, а тёмного цвета волосы прикрывают всё лицо. Но вместо какой-то злости эта дура смеётся и начинает лезть к ремню моих брюк.

– Ты сегодня такой дикий. Хочешь грубо? – улыбается, как идиотка. Перехватываю её запястья и сжимаю.

– Иди проспись, пьянь.

Вновь дёргаю её в сторону, лишь бы подальше от меня.

– Пойду просплюсь, – усмехается, задирая халат и демонстрируя своё обнажённое тело без белья. – И я буду спать

спокойно, а ты мечтай об этом.

Ноль эмоций. Ноль интереса. И запала.

А на следующий день на неконтролируемой тяге после обеда оказываюсь в торговом центре. И стоя на втором этаже, с балкона встречаю Настю, пришедшую на работу.

Глава 17

Гордей

Наблюдаю издалека.

Зачем? Не знаю. Просто давно не видел, как она работает.

Облокотившись на перила, наблюдаю за ней с высоты.

Слово своё сдержу – к ней даже не подойду. Но присмотрю.

За эти полтора года она наверняка выросла в рисовании. Хотя и до этого делала это так... Портрет – не отличишь от оригинала.

Невольно проваливаюсь в прошлое и улыбаюсь.

«– Нарисуй меня! – восклицает маленькая непоседа, протягивая мне альбом с карандашами.

Я пренебрежительно морщусь. Затея так себе. Я держал карандаш в руках несколько раз – и то в школе, которую прогуливал. А тут ещё что-то рисовать! Её!

Да я своим умением только испоганю её красоту.

– Ты кроме «палка-палка-огуречик» ничего не получишь, – легонько щёлкаю её по носу и обнимаю, прислонив к себе. А она носиком зарывается в мой торс.

Моя тактильная девочка.

Любит сидеть у меня между ног. Обычно прислоняется ко мне спиной, откинув голову назад.

Мой ответ ей не нравится, и она, оторвавшись, поворачивается ко мне. Встаёт на четвереньки, чем немало меня заводит. Моя футболка на её невинном девичьем теле выглядит так порочно, что я с трудом сдерживаюсь. А у нас ведь было полчаса назад... Я уже в строю.

– А ты постарайся, – игриво говорит и облизывает губу. Делает это она произвольно. Но ей об этом не говорю – боюсь, делать перестанет. – Обещаю, смеяться не буду.

– Ладно, – не могу устоять перед её обаянием и сверкающими глазками. Забираю из её рук альбом, карандаш. Не смотря на свою девочку, уже выучив её черты лица, пытаюсь нарисовать её портрет.

Чёрт, написать.

Услышала бы она сейчас эту фразу – прибила бы меня.

Ох уж эти художники!

Не знаю, сколько сижу над занятием, сколько листов бумаги протёр, но малышка успевает сбегать в душ, приготовить ужин и уснуть рядом, свернувшись в калачик. А теперь просыпается и недовольно бубнит:

– Ну что там? – потирает глазки кулачками.

Не дожидаясь моего ответа, забирает лист бумаги из рук.

Жду её реакции.

Волнительно, п****ц.

Я так, даже когда свой первый бизнес основывал, не бо-

ялся.

Я вообще считаю это шедевром. Учитывая, что не умею рисовать.

А она смеётся!

Так заливисто, ярко, что я не могу злиться.

Перехватываю её, сажаю к себе на коленки и щекочу.

– Ты обещала.

– Прости! Но у меня там такой огромный нос галочкой! Я не выдержала! И это ты пытался нарисовать три часа?!

– Противная, – говорю, а сам целую её в шею».

Вибрация телефона выводит из мыслей.

Залип на работающей Насте, что не сразу понял, где нахожусь. Отвечаю на звонок без задней мысли. Она в наушниках – всё равно не услышит.

И, как будто наперерез мне, Покровская вдруг поднимает голову. Встречаемся с ней взглядами.

Млять.

Тут же отрываюсь от перил. Прислоняю телефон к уху и отворачиваюсь.

Спалился, насмотрелся.

Кто я теперь в её глазах? Извращенец?

А так и есть.

– Да?

– Гордей Алексеевич, когда вы будете в «Олимпе»? Тут пожарку приехали проверить. Снова.

– Они же недавно уже приезжали, – цежу сквозь зубы, а в

голове матерю этих пид...

— Опять. Вы же знаете, на лапу хотят все.

— Где вы?

— На третьем этаже. Возле кинотеатров.

— Сейчас приду.

Засунув телефон в карман штанов, нахожу ту самую фотографию. Чёрт, поменял уже штаны трижды и забыл, что не вернул её.

Надо будет...

Невольно вновь разглядываю маленькую девочку, вспоминая её огромные глаза.

Отчего-то мне хочется с ней подружиться.

Хрен знает, откуда взялось это чувство.

Сначала я вообще старался не обращать на мелкую внимания. Не верил, что Настя может любить кого-то ещё. Но когда Настенька пришла вместе с Миланой смотреть на масштаб работы, мы пилили друг другом взглядами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.